

В. Т. Громов

открытое небо

5

И я счастлив —
не испугаюсь
этого слова! —
что причастен
к тем большим
делам, которые
здесь вершатся,
что являюсь
полноправным
членом дружной
семьи тюменских
нефтяников.

Энергия
века

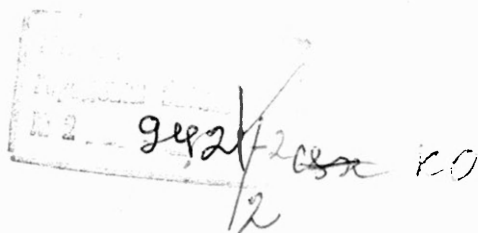

Е 6-3(2п53/6

В. Т. Громов

открытое небо

Свердловск
Средне-Уральское
книжное издательство
1980

Буровая бригада — одна из основных производственных единиц в нефтяном деле. От нее, от того, насколько она дружно работает, во многом зависит рост добычи нефти и газа.

Труд на буровом участке ни в одном из районов страны не считался легким. В Западной Сибири же сложности проходки скважины многократно возрастают. Работа под открытым небом, среди болот или в тундре, в лютые морозы под силу лишь людям крепким и физически, и нравственно, сплоченной бригаде, коллективу единомышленников.

Одной из таких бригад в Нижневартовске руководит лауреат Государственной премии СССР В. Т. Громов. В книге он рассказывает о товарищах по бригаде, о тех высоких и благородных мотивах, которые побуждают их трудиться по-ударному, достигать рекордных результатов в строительстве скважины. Хорошее знание характеров членов бригады, их взаимоотношений, мыслей и чувств позволили мастеру создать убедительную картину творческого труда, стремления каждого бурильщика внести наибольший личный вклад в увеличение добычи нефти и газа в стране.

Литературная запись Ю. Переплеткина.

За месяц мы успели привыкнуть к этому городу и полюбить его. Правились зеленые улицы и скверы, спокойные светлые лица прохожих. Погода стояла отличная. Пахло цветущей сиренью и свежеполитой травой.

Когда я уезжал сюда на месячную учебу из Нижневартовска, там бушевало ненастье. Это происходило всякий раз, когда весна запаздывала. Быстро неслись низкие холодные тучи, подсвеченные снизу багровыми сполохами газовых факелов. Крупные хлопья сырого снега плясали за иллюминаторами самолета, и трудно было поверить, что аэродромная служба погоды даст разрешение на взлет. Но служба эта еще раз доказала, что ее действия часто идут вразрез с обычной человеческой логикой. По причинам, известным ей одной, задерживая самолеты при ясном небе, на сей раз она дала «добро», и ТУ-134 буквально нырнул в снежную круговорот.

В Дрогобыче буровые мастера, собравшиеся из всех нефтедобывающих районов страны, быстро освоились, втянулись в напряженную, но интересную программу занятий. Мы обменивались опытом работы, узнавали друг от друга о новинках, помогающих уско-

рить проходку скважины, рассказывали и о том, что мешает производительно использовать время в бурении.

Тот день начинался как обычно. В свое время приступили к занятиям, потом был объявлен перерыв. Уже не помню, кто именно обратился ко мне, когда мы курили, окружив в холле маленький столик, на котором пепельницей служило чайное блюдо.

— Слышал радио, Громов? Поздравляю, в приветствии и твоя бригада названа...

Когда выяснил, в чем дело, заторопился вниз, к газетному киоску. Взял «Правду». Так и есть! Вот, на первой странице.

Хлопали двери, переговаривались люди. Я вышел в скверик, сел на пустую скамейку и уж тогда внимательно прочел все приветствие — от первого до последнего слова.

«Рабочим, инженерно-техническим работникам и служащим, партийным, профсоюзным и комсомольским организациям Нижневартовского управления буровых работ № 1 и Сургутского управления буровых работ № 2 Главтюменьнефтегаза Министерства нефтяной промышленности.

Дорогие товарищи!

С большим интересом ознакомился с трудовыми достижениями ваших замечательных коллективов в социалистическом соревновании за максимально высокие показатели по проходке и вводу в действие нефтяных скважин. Ваши коллективы в суровых природно-климатических условиях успешно выполняют и перевыполняют установленные задания по бурению скважин. Многие бригады, прежде всего возглавляемые гг. Левиным, Громовым, Володовым и Манаковым, добиваются поистине выдающихся результатов, показывают об-

разцы мужества и подлинно героического труда, высокое профессиональное мастерство.

Ваши новые обязательства — добиться в среднем па бригаду 70—85 тысяч, а по передовым бригадам — 90—100 тысяч метров проходки в год — свидетельствуют о высокой трудовой активности, большом чувстве ответственности за осуществление решений XXV съезда КПСС по формированию крупнейшего территориально-производственного комплекса в Западной Сибири — главной базы страны по добыче нефти и газа. Намеченные рубежи вы предусматриваете взять за счет применения передовых методов труда, интенсификации технологических процессов, более полного использования внутренних резервов производства, дальнейшего совершенствования организации социалистического соревнования.

Выражаю твердую уверенность в том, что ваше ценное начинание по достижению максимальной выработки на каждую буровую бригаду при высоких технико-экономических и качественных показателях работы получит широкую поддержку на предприятиях нефтяной, газовой промышленности и в геологоразведочных организациях, явится важным фактором всемерного ускорения буровых работ, станет надежной основой дальнейшего расширения мощностей по добыче нефти и газа, наращивания разведанных запасов этих видов сырья и топлива.

Желаю вам, дорогие товарищи, ознаменовать завершающий этап пятилетки дружной, ударной работой.

Л. Брежнев».

Первое чувство, которое испытал, ознакомившись с приветствием Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума

Верховного Совета СССР товарища Леонида Ильича Брежнева тюменским буровикам, в том числе в нашей бригаде,— было чувство гордости. Мысленно перенесся туда, на дальний Север, в Среднее Приобье. Как дела у моих товарищей на нефтяном Самотлоре? Чем они решили ответить на это приветствие?

Вдруг понял, какая ложится на коллектив ответственность. Конечно, добрые слова Леонида Ильича — большая радость для всех нас. Но как же надо самоотверженно работать, чтобы оправдать ту надежду, которую Генеральный секретарь ЦК возлагает на проходчиков Сургута и Нижневартовска, а в их числе и на коллектив буровиков, которым я руковожу на тюменской земле вот уже девятый год!

Несколько дней, оставшихся до окончания учебы, показались невероятно длинными. В свободные минуты доставал из кармана и рассматривал купленный в обратную дорогу билет. Торопил время. Скорее бы домой! Знал, что в этом году небывалое половодье, буровики сталкиваются с огромными трудностями, и это усиливало мое нетерпение.

Думал о семье, о товарищах по работе, о судьбе социалистических обязательств. Думал постоянно. Самотлор властно звал к себе.

* * *

Иногда меня спрашивают: «Ну, как тюменские морозы? Небось, в Куйбышевской области не встречались с такими?»

Поскольку до приезда на Самотлор я полтора десятка лет работал на нефтяных площадях Поволжья, то, считают, мне холода незнакомы.

А это не так...

Когда учеба в Сызранском нефтяном техникуме подходила к концу, мы с ребятами все чаще заводили разговор о предстоящем распределении, о самостоятельной жизни, работе. Особых неожиданностей не предвиделось: нефть добывали в Куйбышевской области, Татарии, Башкирии — значит, место и дело для нас найдется.

И тут стало известно, что в техникум поступили две заявки от Якутского геологического управления. Там, на далекой Лене, в республике, на территории которой находился полюс холода, были нужны специалисты для поиска нефтяных и газовых месторождений.

Мы с Евгением Суховым решили твердо и бесповоротно: едем!

Мой отец, рабочий Тимофей Степанович Громов, учил: трудиться надо так, чтобы это доставляло удовольствие самому и приносило пользу другим. И еще: всегда твердо знать, чего хочешь.

В данном случае я хотел самостоятельности, хотел проверить себя в трудном деле, кроме того, — буду откровенным — Якутия манила своей далью, неизвестностью, экзотикой.

При распределении нашу просьбу удовлетворили.

И вот она — полноводная Лена, стрелы кранов в речном порту Якутска, здание геологического управления. Стоял сентябрь, но было тепло и сухо, и не верилось, что долгая зима с ее трескучими морозами совсем рядом.

И меня, и Евгения Сухова направили в буровые бригады. База нашей экспедиции располагалась на Русской Речке. На многие километры вокруг — глухая тайга, заросли ели,

пихты, кедра. Рев дизелей, от которых работала буровая, нарушал первозданную тишину этого далекого края.

Начал свою трудовую деятельность и получил «босвое крещение» в Олекминском районе, на границе с Иркутской областью. Но приходилось спускаться от Якутска и вниз по Лене — до Сангара, Усть-Виллойска. Географическая карта, которую мы с Евгением буквально затерли перед выездом, оживала, обретала зримые черты, названия рек и селений из простых звуко сочетаний превращались в конкретные понятия со своими особенностями, отличительными признаками.

Как молоды мы были! И не только мы с Евгением, а и те люди, с которыми приходилось работать, — от руководителей управления до подсобных на буровой. И геологоразведочные подразделения были молодыми, неокрепшими, и — возьму на себя такую смелость — стратегия поиска тоже.

Однако сейсмологи все больше сужали «белые пятна» Якутии, вооружали нас, буровиков, контурами поднятий подземных пластов, а мы ставили здесь вышки и начинали глубокую проходку. Мы искали газ и нефть.

Время летело быстро. Миновала первая для меня якутская зима. Узнал, что такое морозы в пятьдесят, шестьдесят градусов. Низкая температура держалась порой несколько недель подряд. Все замирало. Однако в безветрии холод переносился сравнительно легко.

Зато лето здесь, как выяснилось, настоящее! Жаркое, щедрое. Загорай, купайся. Чумазы от копоты и раствора, буровики с нетерпением ждали выходного. И я тоже, конечно.

Отправившись в лес, на берег реки или

озера — такая красота кругом, не насытишься ею. Для рыбака — а я большой любитель рыбной ловли — лучших условий не найти. И охотникам есть где проявить себя.

А после отдыха снова наступали рабочие будни, снова ревели дизели на буровой, шел спуск-подъем инструмента, разведка продолжалась. Газовые месторождения в Якутии нашли. А нефти все не было...

Пять лет отдал я геологоразведке, но и мне эти годы дали очень многое. Научился разбираться в людях, довелось познать и крепкую мужскую дружбу, и проявление человеческих слабостей. Приобрел опыт в буровом деле — особенно если учесть, что многие проблемы приходилось решать самим, на месте, так как помощи ждать было неоткуда, да порой на это просто не было времени. Помню профессиональных навыков получил и уроки «человеческой инженерии» — приходилось учиться руководить людьми. Начинать я с помбура, но за время пребывания в Якутии работал и бурильщиком, и сотрудником производственно-технического отдела, и, наконец, буровым мастером. До сего дня благодарю судьбу, которая дала мне такую хорошую «обкатку» в суровой, но приветливой Восточной Сибири.

Если бы я там, к примеру, обзавелся семьей, как говорят, «пустил корни», то наверняка остался бы надолго, а может, и навсегда. Но жизнь распорядилась иначе. Все-таки я был по профессии нефтяник, хотелось добывать из-под земли «черное золото», воочию видеть результаты своего труда. Однокашники мои писали о богатствах «второго Баку», о трудностях своих и удачах — они жили забочками настоящих эксплуатационников!

Короче говоря, в июле 1956 года я принял второе ответственное решение в своей жизни, и меня откомандировали в распоряжение объединения Куйбышевнефть. Начиналась новая полоса биографии.

Шестнадцать лет суждено мне будет поработать в Поволжье — в основном в должности бурового мастера. Произойдет множество событий, как в личном плане, так и в более широком масштабе. Встречу хорошую девушку Валю, поженимся, родится у нас сын Сережка, а потом и дочка — Оля. Бригада наша выйдет в число лучших в объединении. Ударит за Уралом, в неведомом Шанме, нефтяной фонтан, а потом на берегах Волги все чаще и настойчивее будут звучать слова «Тюмень», «Сургут», «Самотлор».

За время работы в Куйбышевской области судьба сведет меня со многими замечательными людьми. Мне станет знакомым «почерк» таких известных буровых мастеров, как Феклов, Дроздин, Петров.

Однажды в мою бригаду придет помбуром энергичный и толковый парень Геннадий Левин; позже мне поручат возглавлять участок, и будет на весь участок один буровой станок, единственная бригада, где Левин станет мастером, — вот когда увижу я (да и не только я) способности этого талантливого руководителя!

Постепенно потянутся люди, прежде всего классные специалисты, за Уральский хребет, в болотные хляби и выюжную тундру Тюменщины. Никого это не удивит: явление естественное, брать сибирскую нефть в труднодоступных местах надо умелыми руками. Я буду относиться ко всему происходящему спокойно, поддерживая в своей буровой бригаде привыч-

ный высокий темп, а в свободное от работы время неторопливо обсуждая с женой очередной отпуск или предстоящую покупку.

Так будет продолжаться до тех пор, пока в конторе мне не сообщат:

— Тебя ищет Анатолий Васильевич Сивак. Поговорить хочет...

Сивак?.. Никогда не слышал такой фамилии.

* * *

Этот сдержанный человек со строгими чертами лица, с манерой говорить негромко, неторопливо, но убедительно, сразу вызвал во мне симпатию. Анатолий Васильевич Сивак оказался начальником отдела Нижневартовского управления буровых работ № 1. Прямо со знаменитого Самотлора приехал.

Нетрудно было догадаться о цели визита. Впрочем, Сивак на долгое вступление времени терять не стал, сразу перешел к делу:

— Объем добычи нефти в Тюменской области увеличивается из года в год. Вы, конечно, понимаете, что для этого и проходку скважин надо наращивать. На Самотлор уже пришло несколько буровых бригад из других районов. Как отнесетесь к тому, если и вас пригласим?..

Как отнесетесь... Вопрос непростой. Я хоть и понимал, о чем пойдет речь, в первый момент растерялся от такого предложения.

А Сивак ровным тоном продолжал:

— Я пришел к вам не сразу. Советовался в городском комитете партии, в объединении. В принципе, желающих поехать найдется немало. Но нам нужны крепкие люди, надежные коллективы, способные противостоять трудностям.

Я слушал и перебирал в уме достоинства и недостатки членов своей бригады, других знакомых мне буровиков. Как поведет себя каждый из них в новых условиях? Да и что ждет их там, на тюменской земле?

Анатолий Васильевич будто подслушал мои мысли:

— О трудностях говорю тоже не случайно. Не хочу обещать вам золотые горы и все рисовать в розовом свете. Сложностей будет немало. Район еще плохо обжит, в Нижневартовске не хватает жилья, детсадов, случаются перебои со снабжением. Бездорожье, суровый климат. Да и в технологии бурения кое-что придется осваивать с нуля. Но полную поддержку, любую возможную помощь — это я вам твердо обещаю и от имени горкома КПСС, и от имени администрации УБР-1, всего объединения... Решайте.

Не знаю, что подумал обо мне после той январской встречи Анатолий Васильевич, но ответа ему я так и не дал. Попросил месяц на размышление. Сивак хотел знать хотя бы главное: согласен ли я поехать в принципе — детали, мол, обговорим позже. Однако я не стал спешить с категорическим согласием. Мы расстались; новый знакомый уехал, на мой взгляд, несколько озадаченным.

А я взялся за дело, важность которого нельзя переоценить: стал комплектовать бригаду.

Что касается лично меня — над выбором долго не думал. Прикинули с Валентиной: сын уже в шестом классе да и дочка подросла, три года ей. Работать здесь не то чтобы скучно, но уж очень все стало привычным за многие годы. А там — новые места, новые люди, да и размах какой! Главное же — выходит,

нужны стране и руки наши, и опыт, и знания.

Кого взять с собой? Люди в моей бригаде были неплохие, но для отъезда в Тюмень годились далеко не все. Ведь предполагалась не увеселительная прогулка и даже не рабочая командировка — нужно было отправляться в таежный край надолго, привыкать к нему, учиться жить и работать в новых условиях. Некоторые буловики не захотят срываться с насиженного места в силу своего характера, другие по семейным обстоятельствам, третьи согласятся с удовольствием, но мне трудно представить, как они поведут себя в критической обстановке. Брать таких — неоправданный риск, ведь может случиться, что от поведения нескольких человек будет зависеть судьба всего коллектива, работоспособность бригады, ее «микроклимат».

Требовалось отобрать шесть вахт. Точнее говоря, шесть бурильщиков, а уж каждый из них пусть сам комплектует вахту. Ему работать с людьми, ему виднее.

Из своей бригады я решил взять Василия Фомича Сазонова — прекрасного бурильщика, умелого организатора, на которого мог полагаться, как на самого себя. Этого крупного, добродушного человека с удивительно мягким, ровным характером в коллективе очень любили. Я знал, что вся вахта пойдет за своим вожаком в огонь и в воду. Прежде чем стать бурильщиком, Сазонов прошел в бригаде едва ли не все ступени, поэтому — случись такая необходимость — мог подменить верхового, помбура, кого угодно.

В те дни я подолгу сидел над списком кандидатов в нашу «сборную», вычеркивал одни фамилии, вписывал другие. Василий Григорьевич Шевченко, Юрий Прокопьевич Касатов,

Владимир Иванович Давыдов, Борис Денисович Батыршин, Борис Петрович Толбатов... Все они отличные бурильщики, очень разные, зато каждый — личность яркая, интересная. Но смогут ли безболезненно притереться и работать вместе? Сумеют ли в свои вахты подобрать таких, кто не подведет, не спасует перед возможными испытаниями?

Месяц промелькнул незаметно. Когда Анатолий Васильевич Сивак прибыл в Отрадный вторично, он не просто услышал от меня утвердительный ответ — значительная часть работы по комплектованию бригады была уже сделана.

* * *

Так вот он какой, Нижневартовск!

Я не спеша шел по заснеженной обочине, а рядом, по дороге, с грохотом пролетали «Ураганы», «Татры», КраЗы, «Уралы»... На окраине города, там, откуда бетонка, вильнув, устремлялась к исколотому чахлами деревцами горизонту, я остановился. Дорога, словно стрела, указывала на скованный февральскими морозами Самотлор.

Самотлор... Теперь это короткое слово обозначало и наш адрес, и место работы, и новую строку в истории коллектива.

Все так же проносились мимо тяжелые автомашины, вдали угадывались многочисленные буровые вышки, снежными искрами поблескивал сотысячный город, а над всем этим расстилалось огромное небо — такое глубокое, что я на мгновение почувствовал себя потерянным в холодной пустыне.

Но только на мгновение. Вспомнилось, как радушно, приветливо встретили нас сибиряки, сколько добрых, ободряющих слов сказали

новой бригаде. «Одинокими вы здесь не будете, скучать не дадим!»

Постояв еще некоторое время, я пошел в обратную сторону, к центру Нижневартовска, ориентируясь на телевизионную вышку, у подножия которой находился двухэтажный зеленый корпус управления буровых работ № 1.

Всего несколько дней назад в этом здании самотлорские буровики принимали нас в свою семью. Мне и моим товарищам пожимали руки, ободряюще хлопали по плечам. Подошел и Геннадий Левин — он здесь возглавляет самую, пожалуй, знаменитую бригаду. Тот самый Левин, с которым мы вместе работали в Отрадном; он, кстати, тоже окончил Сызранский нефтяной техникум, только на несколько лет позже меня. А вот сюда, в Нижневартовск, прибыл со своими орлами на четыре года раньше.

— Ну что, значит, снова вместе? — с улыбкой спросил он.

— Выходит, так. Будем снова осваиваться.

— Освойтесь! А для начала давай-ка вместе с ребятами ко мне на буровую. Особых хитростей в работе при здешних условиях нет, но, как говорится, лучше один раз увидеть...

Его поддержал Валентин Иванович Хлюпин, начальник УБР-1. Он посоветовал нам побывать даже в нескольких бригадах — секретов, мол, от вас никто тань не будет. А потом попросил, чтоб я «узаконил» свой приезд. Я взял у кого-то четвертушку плотной бумаги, достал авторучку с черными чернилами и аккурратно написал: «Начальнику управления В. Хлюпину. Заявление. Прошу принять меня на работу в Ваше УБР-1 переводом в качестве

бурового мастера. В. Громов. 6 февраля 1972 года».

Валентин Иванович пробежал бумажку глазами.

— Так и будем считать: с завтрашнего дня на Самотлоре начинает работать буровая бригада Громова. Желаю успехов!

Теперь я шел и думал: выходит, бригада Громова работает вот уже вторую неделю... Правда, за эти дни мы не пробурили ни метра. У нас даже еще станка не было. Даже «куста» еще не получили. И тем не менее это время даром для нас не прошло. Мы обжились, познакомились со спецификой работы в условиях Западной Сибири.

Я продолжал шагать к центру города — там, рядом с заснеженным парком, на одной из главных улиц строители впритык поставили несколько длинных пятиэтажных домов. Острые на язык нижевартовцы немедленно окрестили этот не лучший архитектурный ансамбль «китайской стеной». В одном из домов, в примыкающих друг к другу комнатах, и разместилась пока наша бригада — три десятка мужчин.

Я шел и думал: каким станет для коллектива этот год? Ведь люди подобраны один к одному и по личным, и по профессиональным качествам — неужели не сможем показать здесь высокий класс? Скорее бы начать бурение! Только тогда появится ответ на этот мучительный вопрос.

Собственно говоря, уже сейчас можно было предположить, какие главные трудности ждут бригаду и в производственном, и в психологическом плане. Прежде всего, придется работать на установке БУ-80, таких в Отрадном не было. И бурить предстоит наклонно

направленные скважины — в условиях сплошной заболоченности этот метод оказался тут единственно приемлемым. Что касается психологического настроя, много будет значить начало: первая скважина, первый «куст», итоги первого года...

Размышляя, не заметил, как дошел до «китайской стены». Поднялся по крутым ступеням, распахнул двери — едва ли не вся бригада собралась в одной комнате.

На вопрос, где был, ответил, что знакомился с окрестностями города. Разделся, прислушался, о чем идет речь. А речь шла все о том же: о первых впечатлениях от Сибири, о возможных перспективах.

— Я понимаю так: если будем плохо работать — со стыда надо сгореть... — говорил, не отрывая глаз от шахматной доски, бурильщик Юрий Касатов. — О рекордах пока молчу, а планы мы просто должны выполнять и пере-выполнять... Шах!

— Это не так просто, — торопливо передвигая фигуру, отвечал его партнер, сидевший ко мне спиной. — Одного желания мало.

— А разве у нас, кроме желания хорошо работать, больше ничего нет?! — заядлый шахматист, Касатов, горячась, даже про доску забыл. — Встретили нас — лучше некуда. Со всем ознакомили, все показали. Мы и у Левина в бригаде были, и у Китаева, и в Повха... Что еще надо?

— Надо буровую установку поскорее, — отозвался кто-то из глубины комнаты. — И чтоб «куст» закрепили. И за дело приниматься. Сколько еще ждать осталось?

Дверь в это время распахнулась, вошел Геннадий Михайлович Левин и, услышав последние слова, ответил:

— Недолго осталось ждать, несколько дней. Потерпите! Постигайте пока теорию...

Его моментально окружили: как, что, откуда он знает?

Я был рад приходу Геннадия. Там, в конторе УБР, встреча хоть и была теплой, но все-таки пахла официальнойностью. И вот он здесь, с нами, в квартире, в домашней обстановке, если только так можно назвать не очень-то уютное холостяцкое жилье.

— Будь спокоен, Тимофенч,— сказал он мне.— Люди твои не подведут. Я это сразу почувствовал, когда они на буровой вопросах меня засыпали. До последней мелочи интересовались, аж в пот вогнали. Конечно, многое будет в новинку. Так ведь и ты не первый день в бурении...

Как выяснилось, нам приготовили «кусты» № 63—65. Тогда бригады еще не перешли на твердую четырехвахтовую систему, еще только велись поиски оптимального варианта, пробовали работать в шесть, семь, даже восемь вахт... Сейчас на эту тему уже не спорят, под дискуссией давно подвели черту, но надо признать, что у осужденной многовахтовки были и свои положительные стороны. В частности, бригада имела в распоряжении два «куста», что не только уплотняло рабочее время, но и давало возможность маневра — особенно в сложных, критических ситуациях. Этим преимуществом мне в будущем еще предстояло воспользоваться...

В шумной мужской компании Геннадий Левин чувствовал себя совершенно свободно. Каких только вопросов не задавали ему члены моей бригады! И про климат, и про заработки, и про бытовые условия. Но больше всего, конечно,— о технологии проходки.

Зимний день короток. Скоро пришлось включить свет, а расспросы не прекращались. Наконец Левин взмолился:

— Хватит! Мне-то хоть расскажите — как там, в Отрадном?

И начались воспоминания.

— А помнишь?..

— Тимофенч, а помнишь, на рыбалке с тобой были? — громко смеялся Геннадий, не обращая внимания на поздний час. — Ну, ты еще все вокруг костра ходил. Босиком. Помнишь? И наступил на чашку с горячей ухой!..

Раздался оглушительный хохот, а мне оставалось только помалкивать. Как говорится, из песни слова не выкинешь, действительно, был такой случай.

Разошлись поздно ночью. Мне подумалось: а ведь и впрямь бригада — как одна семья. И еще: хорошо, что здесь, на далеком Самотлоре, есть такой человек, как Геннадий Михайлович Левин!

* * *

Стоит наша красавица вышка под распахнутым небом Севера, посвистывает ветер в ее металлических узорах, а внизу, у самого устья, плюется дымящимся раствором скважина, мягко сбегает с барабана лебедки трос, грохочет замок, намертво схватывая очередную свечу. Обычное дело. Мы бурим.

Мы бурим! Шестьдесят пятый «куст», где смонтировали наш станок, находится рядом с бетонной дорогой, кольцом охватывающей озеро Самотлор, и сравнительно близко от города — чуть больше получаса езды на автобусе. Еще одно доказательство заботливого отношения к нам, самотлорским новоселам.

Первые дни работы принесли множество неожиданностей.

— Владимир Тимофеевич! — помощник мастера Анатолий Милосердов разводил руками, а глаза его прямо-таки сияли. — Чего ж тут не бурить-то! Породы мягкие, долото будто в масло идет!

Но я уже был готов к таким восторгам и знал, что давать им волю не следует. И Хлюпин, и Левин, и многие другие предупреждали: пусть не обманет эта видимая легкость. Разница, конечно, огромная: в Отрадном бурили граниты, а здесь пласты слабые, словно бисквитный торт. Но там на проходку одной скважины уходили месяцы, а здесь срок исчислялся неделями, даже днями. Бурить быстрее вовсе не значило — легче или проще. Сибирский «бисквитный торт» имел свои особенности, о которых мы пока не знали, изобилует неожиданностями и опасностями.

Еще раз поговорил на эту тему с Анатолием, со всеми членами бригады.

— Успех в наших руках, — убеждал я. — Чтобы не упустить его, нужно очень немного: точность, аккуратность, дисциплинированность. Имею в виду дисциплину технологическую. Раствор по всем параметрам использовать только такой, какой предписан. Долото менять именно в тот момент, когда требуется, — не поддаваться соблазну «дотянуть» до конца вахты, но и не торопиться, стараясь «вырвать» лишние метры. Каждый обязан быть на своем месте, но, если надо, в любой момент помочь товарищу. Все в ответе за общее дело, а наше главное дело — проходка. Ясно?

Вся хитрость в том, что ничего необычного в этих простых требованиях нет, а вот соблю-

дать их без всяких отклонений почему-то удается далеко не всегда. В итоге — брак, а то и авария. Значит, задержка, потеря времени и метров, отставание... А можно ли нам в хвосте тащиться?

— Никак нельзя! — соглашались со мной буровики. — Для настоящего дела приехали, так что марку будем держать.

— То-то. Что сейчас на скважине?

— Пора проверять отклонение. Вон и технолог идет...

Все-таки сибиряки здорово это придумали — «кусты» и наклонно направленное бурение! Хотя, строго говоря, придумали, конечно, не они: в других районах наклонные скважины вели и раньше — под Каспий, под промышленные объекты. Но, как мне рассказывали, чтобы этот метод получил здесь такой огромный размах, пришлось повоевать и производственникам, и ученым.

Сотрудники одной из лабораторий Гипротюменьнефтегаза вынуждены были не один раз и на самых разных уровнях доказывать преимущества наклонно направленного бурения. Им не то чтобы не верили, с доводами соглашались, но... и только. Теперь-то понятно, почему такое могло произойти. В то время еще не все отчетливо представляли себе завтрашний день этого богатейшего края. Тогда, в середине шестидесятых, уже смело называли многозначные числа, говоря о запасах газа, но об истинных масштабах «нефтяной революции», о темпах развития региона можно было только догадываться. А догадки и предположения — категории, как известно, ненаучные. Даже красивое слово «гипотеза» не могло помочь там, где речь шла о выделении фондов, перераспределении люд-

ских ресурсов, производстве нового оборудования.

Сотрудники института настаивали на своем. «За этим методом будущее! — доказывали они. — Чтобы убедиться, достаточно пролететь над территорией Тюменской области. Море болот и топей! Что выгоднее: бурить с одной точки 8—10 скважин (можно даже 20—25) или всякий раз перевозить станок по такой хляби на новое место?»

Им возражали. Говорили, что летом можно выбирать места посуше, а зимой бездорожье не помеха. Ведут же геологоразведчики проходку одиночными вертикальными скважинами и не фантазируют ни о каких «кустах»... Однако постепенно время и факты переубеждали скептиков. Но путь к повсеместному внедрению метода все же изобилует препятствиями.

А когда в области одно за другим стали находить известные сейчас всей стране нефтяные месторождения, когда бригада Григория Ивановича Норкина открыла Самотлор, стало ясно, что буровикам предстоит пройти огромное число скважин в самых труднодоступных местах. Стало ясно, без «кустов» не обойтись. Спасибо ученым, их усилия даром не пропали: к тому времени некоторый опыт наклонного бурения уже имелся. Ну а к моменту нашего приезда они его, на мой взгляд, довели до совершенства. Знай учись, переимай передовые приемы.

Впрочем, ученые пошли дальше. Новый метод утвердился, но теперь необходимо было оборудование, техника, специально предназначенные для наклонных скважин. Ведь до сих пор забойные двигатели, которые приходят с заводов, сразу же переделывают на ре-

монтажных базах, приспособливают к работе с отклонением от вертикали. Своими силами Гипротюменьнефтегаз и главки изготавливали отдельные образцы. Но следовало наладить в стране их серийный выпуск.

Прошли годы перепроверок, оформлений, согласований, однако теперь цель почти достигнута. Вроде бы началось изготовление промышленных образцов забойных двигателей для наклонных стволов. Значит, не за горами и серийное производство. Нам, проходчикам, это будет большим подспорьем в деле.

Сейчас нередко можно услышать фразу: наука становится производительной силой. Сплошь и рядом на фасадах различных учреждений видишь лозунги: «Достижения науки — в производство!» Я всегда считал и считаю просто необходимым деловой, творческий контакт ученых и производственников. Забегая вперед, скажу, что за время работы на Самотлоре наша бригада приняла участие в проведении множества экспериментов, мы опробовали большое количество нового оборудования, техники, приборов. Что-то оправдало себя, от чего-то пришлось отказаться, но сотрудники различных институтов всегда находили в лице моих ребят добрых помощников и единомышленников. И когда научный опыт, проводившийся на базе бригады, завершался успехом, когда новое приспособление получало путевку в жизнь — это была и наша победа.

Недаром в Основных направлениях развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы записано: «Ускорение внедрения достижений науки и техники в производство — одна из наших кардинальных задач. Без этого экономикка уже не может успешно двигаться вперед по пути интенсификации и повышения ка-

чества». А Леонид Ильич Брежнев, выступая на XXV съезде партии, сказал так: «Практическое внедрение новых научных идей — это сегодня не менее важная задача, чем их разработка»¹.

Когда мы встречались в областном центре с начальником Главтюменьнефтегаза Виктором Ивановичем Муравленко, в Нижневартовске — с руководителем нефтегазодобывающего управления имени В. И. Ленина Романом Ивановичем Кузоваткиным и начальником УБР-1 Валентином Ивановичем Хлюпиным, с другими специалистами, нам много говорили об особенностях бурения. И все подчеркивали одну особенность: положение непрерывно меняется. То, что хорошо сегодня, завтра уже не годится. Мои парни слушали и понимающе переглядывались: консерваторами сибиряков не назовешь!

От Анатолия Васильевича Сивака, который в УБР-1 возглавлял отдел научной организации труда и управления производством, я узнал, что перед буровиками постоянно ставилась цель: превзойти уже достигнутое с наименьшими материальными и трудовыми затратами. Для этого производство непрерывно совершенствовалось и переоснащалось. Перевели бурение на электропривод, переставили вышки на железнодорожные основания, число скважин в «кусте» увеличили, довели до 16 и даже до 24.

— И какой же получился «навар»? — с долей недоверия спросил один из моих буровиков. — Может быть, не стоила игра свеч?

Стоила, оказывается! Увеличение количества скважин в «кусте» повысило загруженность

¹ Материалы XXV съезда КПСС. М., Политиздат, 1976. с. 48.

буровых бригад в полтора-два раза, расчленение буровой при переезде на крупные блоки и полная электрификация принесли сотни тысяч рублей экономии. В УБР-1 впервые в условиях Западной Сибири внедрили в производство легкосплавные трубы, отечественные насосы повышенной мощности, емкостную систему очистки глинистого раствора, тихоходные секционные турбобуры. Правда, признался Анатолий Васильевич, не всегда эта работа проходила гладко. Часто специалистам управления приходилось прилагать немало сил, чтобы отстоять ту или иную новинку, убедить отдельных рабочих и даже целые бригады в целесообразности ее применения...

Я ничего не сказал тогда в ответ на эти слова. Но про себя решил твердо: уж нас-то не придется уговаривать испытать какое-либо новшество. И технологию проходки будем соблюдать самым строжайшим образом.

Технологов в бригадах называли «кривильщиками». Ничего обидного в этом слове не было: они ведь и в самом деле следили за кривизной ствола, направляли буровой инструмент так, чтобы скважина шла точно по рассчитанному курсу.

Василий Сазонов — проходку в этот момент вела его вахта, — увидев технолога, добродушно пробасил:

— Сдаю полномочия и беспрекословно подчиняюсь...

Об этом мы тоже говорили в бригаде не раз. Уж если пришло время «кривильщику» заниматься своим делом — пусть он будет хозяином на буровой. И любой руководитель вахты — даже такой горячий и нетерпеливый, как Юрий Касатов, — обязан не только не мешать, а и всемерно помогать технологу,

который в данное время является первым лицом в коллективе.

Наконец пужный угол был набран, отклонители убрали, снарядили турбобур прямой компоновкой.

— Теперь можете гнать до проектного забоя,— улыбнулся технолог, обращаясь к Василию Фомичу.— Не ошибетесь...

— Добро!— гроыхнул голосом Сазонов.— Только не уверен, что окончание проходки придется на мою вахту. Ну, ребята, давай!

Снова все заняли свои места, и бригада стала набирать метры.

По моим подсчетам, наши темпы были ничуть не ниже, чем у других коллективов. Похоже, мы могли соперничать со старожилками на равных.

Главное, не случилось бы аварии...

* * *

Теперь собираться всем вместе нам почти не удавалось: одна из вахт постоянно была на буровой, да и меня буквально закрутил водоворот множества неотложных дел. Нет, вопрос не только в наклонном бурении на новом оборудовании — вся система работы здесь оказалась другой. Раньше я мог спокойно обходиться без помощников: знай следил за проходкой, а остальное приложится. На Самотлоре же, едва заканчивался спуск колонны и наступало сравнительно спокойное время, я спешил на базу, делал заявки на запчасти к насосам и лебедке, заказывал массу мелочей, вплоть до мыла, ведер, ложек. Мастер обязан предусмотреть каждую деталь, вовремя позаботиться, чтобы коллектив был обеспечен всем необходимым, мог работать четко, ритмично, без срывов.

Забот было много, и все же нам удавалось сообща обсуждать все важные вопросы, которые касались и методов бурения, и расстановки людей, и заработков, и бытовых неувязок. Наша, так сказать, генеральная линия оставалась прежней: трудиться, не жалея ни сил, ни времени, брать на вооружение все самое передовое, войти если не в число лидеров, то, по крайней мере, в группу надежных «средних» бригад.

Бурить мы начали за два дня до окончания февраля. Поэтому и план нам дали из расчета десяти оставшихся месяцев — 32 800 метров. Однако для всех бригад важнейшим ориентиром был другой показатель — не плановое количество метров, а названное в социалистических обязательствах.

Решили взять обязательства и мы. Советов было хоть отбавляй.

— «Округляйте» план до 33 тысяч — с вас и достаточно! Новички как-никак...

— Не теряйтесь, ребята! Называйте 35 тысяч. Круче высота — дороже победа.

Очень немногие называли цифру 40 000. И сами же начинали сомневаться: мол, вряд ли это реально, надо прежде пообвыкнуться.

Выслушав всех, мы собрались у себя в «китайской стене» без свидетелей.

— Что делать будем? — спросил я. — Предлагайте.

30 000 отметили сразу, как шаг, недостойный коллектива. А потом разгорелись страсти...

— Предел нам поставили: сорок тысяч! Ведь всего на 8200 больше плана.

— «Всего»? Думаешь, легко эти метры взять?

— А ты оглянись. У Левина план 39 000,

обязательство — 67 000. Разницу улавливаешь? Двадцать восемь тысяч!

— Так то же Левин...

— А мы разве плохо начали? В первые два дня дали больше тысячи метров.

— Чего первые дни считать, когда все шло без сучка и задоринки. Вот начнем с «куста» на «куст» перебираться, возможно, простои будут...

В общем, скажу сразу, чем кончился спор. В обязательства постановили записать 50 тысяч метров. Когда об этом стало известно в управлении, люди отреагировали по-разному. Но даже те, кто не верил в возможности бригады, отнеслись к нашей заявке уважительно. А мне до сих пор помнится фраза, которую обронил один из мастеров:

— Сразу видно: мужики работать приехали...

Так оно и было.

Между тем дни шли за днями, мы постепенно привыкали к трудовому ритму Самогора, ознакомились с установившимися здесь добрыми традициями, старались вносить и свой вклад. Но не все нам нравилось.

Однажды произошел настоящий скандал. На буровой завершали проходку скважины, близилось время проведения геофизических работ. Мы, как положено, заранее сообщили в диспетчерскую, однако в нужное время промысловые геофизики не появились. Прошло полчаса, час... Буровики (кажется, это была вахта Владимира Давыдова) ждали и нервничали. Прошел еще час. Связались с диспетчером, тот сказал: заявка передана, не волнуйтесь.

Геофизики прибыли позже срока на три с

половиной часа. Что тут началось! Помбур, сжимая кулаки, кричал:

— Заставить вас простой из своего кармана оплатить, вот тогда заплаете!

А меня насторожила такая деталь: геофизики вовсе не посчитали задержку нарушением. Оказывается, подобные опоздания были в порядке вещей. Так проявились первые симптомы серьезной болезни, которая через несколько лет примет грозный характер. Называется она — несогласованность смежников. Уже тогда, в первый год работы, мы пробовали наладить четкое взаимодействие буровиков с геофизиками, тампонажниками, снабженцами, вышкостроителями. От их расторопности во многом зависели наши успехи или неудачи.

Во многом. Однако, как говорится, «кузнецами своего счастья» оставались прежде всего мы сами. Бригада быстро набирала силу, каждая новая победа — пусть небольшая — помогала буровикам обрести уверенность в себе, почувствовать равными в трудовом споре с более именитыми соперниками. Но были не только победы. Увы...

К нам прикрепили очень толкового технолога. Леонид Георгиевич Титов — мы его звали просто Лешей — быстро наладил хороший контакт с бурильщиками, стал в бригаде своим человеком. Дело знал, при наборе критерии распоряжения давал твердо и четко, их так же четко исполняли.

И вдруг Леша забегает в балок с изменившимся лицом, произносит охрипшим голосом:

— Плохо, Владимир Тимофеевич! Кажется, авария... Это, видимо, я виноват!

Искать виновных было некогда. Следовало срочно выяснить, в чем дело, а затем исправлять положение.

Прибежали на буровую. Там уже целый консилиум. По расчетам, до продуктивного пласта добираться еще несколько суток, а из скважины — нефть! Переглянулись мы с Лешей и без слов поняли друг друга. Ситуация и в самом деле оказалась — хуже некуда. Вот тебе и теория вероятности! Оказывается, он так «закривил» забойный двигатель, что долото нашупало в недрах земли ранее пробуренную скважину и пробурало стенку колонны.

Редчайший случай. Один шанс из тысячи. Легче найти иголку в стоге сена, чем отыскать в толще пластов трубу диаметром 16—17 сантиметров. Но факт есть факт. На буровой аварийная обстановка. Каждая минута — потеря метров проходки. Возможны осложнения.

В такие моменты буровой мастер особенно остро чувствует всю тяжесть возложенной на него ответственности. Что делать? Люди смотрят на тебя выжидающе, с надеждой. Не медли, принимай решение!

К тому времени помощником у меня был уже не Анатолий Милосердов, а Хамид Ганесв (Анатолий стал мастером; о том, как быстро растут люди на благодатной сибирской земле, я скажу позже). Выяснив, сколько человек потребуется на ликвидацию аварии, мы с Хамидом обсудили тактику дальнейших действий. Он вместе с Лешей Титовым и группой буровиков остался здесь, чтобы «задавить» вышедшую из-под контроля скважину и попытаться изменить направление ствола, а я с другой частью бригады срочно отправился на второй «куст». Трудно было обходиться половинным составом, зато пока велась аварийные операции на старой точке, на повой мы набирали метры.

Наш маневр не раз потом был предметом обсуждения. Получалось, что мы нашли самый оптимальный вариант. Бригада с честью вышла из трудного положения, исправив собственную оплошность и не потеряв при этом ни метра проходки.

А теперь о росте людей. Возможность проявить в полной мере свои организаторские способности, реализовать профессиональные навыки здесь, на Севере, так широки, что действительно способный человек замечен сразу. Поэтому не удивительно, что многие из бригады ушли на самостоятельную работу. Тот же «кривильщик» Леша Титов. С должности технолога он перешел ко мне помощником. Позднее, когда Виктор Васильевич Китаев стал заведующим отделом нефтяной, газовой промышленности и геологии Тюменского обкома КПСС, Титову доверили весьма ответственное дело, назначив буровым мастером в этот знаменитый коллектив. А теперь он уже главный технолог вновь созданного Варьеганского управления буровых работ № 2 объединения Нижневартовскнефтегаз.

После Леонида Георгиевича Титова еще несколько моих помощников стали мастерами. Хотя и жаль было всякий раз расставаться, однако как не приветствовать такую «измену»! Человек выходит на более широкую дорогу, берет на себя нелегкую ношу. Пусть дерзает.

* * *

В постоянных заботах, в напряженном труде замелькали недели, месяцы. Лето принесло свои сюрпризы: бездорожье (чуть в сторону от бетонки — и застрял), проливные дожди

(будто на земле было мало озер, болот, речушек!), тучи комаров и мошки (гнул абсолютно игнорировал все хваленые химические препараты).

Мы бурили.

Всякий раз на новом «кусте» и даже перед проходкой очередной скважины в деталях продумывали каждый этап. Составляли специальный перечень, какие необходимо загодя привезти материалы, сколько и что потребуется из оборудования, инструментов. Смотрели на схематический разрез будущей скважины, бурильщики подсказывали, какие долота потребуются на те или иные пласты... В общем, как бы «проигрывали» весь цикл бурения еще до его начала. Мне такие обсуждения напоминали генеральную репетицию. Официально же этот разговор именовался пусковой конференцией. Немного высокопарно, но суть не в названии. Конференции приносили несомненную пользу.

Мы бурили.

Не устану повторять, что многому научился у сибиряков, спасибо им за уроки. Но все больше убеждался, что и мы не с бедным багажом приехали. Приноровившись к новой для нас технике и технологии, ознакомившись с геологией региона, кое в чем сами стали подавать пример.

Как-то приехал на буровую инженер производственно-технического отдела Виктор Александрович Шикин. Меня на точке не было: уж не помню, чем занимался, кажется, «выбивал» новые долота. Ребята докладывают Шикину: так и так, недавно закончили спуск колонны.

— Что?! — ужаснулся инженер. — Пятнадцать часов назад, когда с буровой была связь,

вы утверждали, что еще не приступали к спуску...

— Правильно. На всю операцию мы затратили четырнадцать часов.

— Что за шутки? Где Громов?

— Мастера нет. Достает оборудование...

В тот же день меня вызвал начальник ПТО Заки Ахмадишин. Мировой парень, а встретил топом далеко не любезным. Оказывается, нам ставили в вину две «ошибки». Во-первых, при спуске колонны мастер обязательно должен находиться на буровой. Во-вторых, что за странный спуск в течение четырнадцати часов, тогда как на эту операцию по всем правилам требовалось не меньше суток?

Пришлось объясняться. Говорил, что в бригаде каждый бурильщик — тот же мастер по квалификации, я им вполне доверяю. У меня голова больше о людях должна болеть, а с технологией они и сами сладят. Что касается слишком быстрого спуска — пусть и в других коллективах попробуют! (Замечу в скобках: сейчас спуск за такое время стал на Самотлоре обычным явлением едва ли не во всех бригадах.)

Время шло, мы по-прежнему скопом находились в «китайской стене», и постепенно буровики стали проявлять признаки нетерпения: когда же получим настоящее жилье? Жены бомбардировали нас письмами, спрашивали о здоровье, о погоде, о магазинных ценах на экзотические северные продукты: рыбу, ягоды, орехи. И едва ли не каждое письмо заканчивалось вопросом: а когда будет обещанная квартира, когда можно приезжать вместе с детьми? Ведь с сентября многим ребятишкам надо идти в школу...

Мне неловко было напоминать В. И. Хлю-

пину или А. В. Спваку о квартирах, однако тут дело касалось не меня лично, а всей бригады. И хотя я знал о том, как трудно подобные вопросы решаются в Нижневартовске, и о том, что само управление буровых работ жильем не располагает,— зашел в отдел к Анатолию Васильевичу.

Спвак сосредоточенно постукивал карандашом по столу. Думал. Потом повернулся ко мне.

— Вот что, Владимир Тимофеевич. Жилье вам, конечно, будет, по все дело в сроках. Сам видишь, как быстро увеличиваются объемы проходки и сколько в связи с этим забот у наших руководителей. Пожалуй, здесь надо применить своеобразную тактику. Вызывайте свои семьи! А потом пойдем прямо к Бахплову.

Мы так и сделали. Вскоре в Нижневартовск приехали жены Василия Фомича Сазонова, Юрия Прокопьевича Касатова, в «китайской стене» зазвенели голоса ребятишек. В определенный день пошли в горком человек двенадцать свободных от вахты буровиков.

Василий Васильевич Бахиров, первый секретарь Нижневартовского городского комитета КПСС, Герой Социалистического Труда, начинавший «нефтяной переворот» Среднего Приобья еще в Сургуте, встретил нас в своем кабинете. Здесь же (случайно ли?) находился Р. И. Кузоваткин.

Я не мастер говорить. Я буровой мастер. Все, что касается проходки, смогу объяснить, кажется, любому. А речи на другие темы у меня не выходят. Поэтому сказал лишь несколько слов: осень, мол, близится, а жить людям негде; когда буровика после смены

ждет домашний уют, он и работает с хорошим настроением...

В. В. Бахиллов тут же связался по телефону с Тюменью.

— Нужен главк, Муравленко... Виктор Иванович? У меня здесь делегация, бригада Громова. Да, насчет квартир. Осень близится, ребятишкам в школу пора. Да. Да... Даю Романа Ивановича.

Р. И. Кузоваткин, слушая начальника Главтюменнефтегаза, кивал головой. Потом, положив трубку, обратился к нам:

— Знаете, где недавно построили пятиэтажки? Готовьтесь к новоселью.

Буквально через несколько дней члены бригады переселились в благоустроенные квартиры.

Может показаться, что решение жилищного вопроса — дело второстепенное, далекое от нашей основной задачи. Но это не так. Знаю по себе: и производительность труда, и весь настрой в бригаде зависят от того, как обеспечен быт, все ли нормально в семье, правильно ли организован отдых.

Встретил и я своих: Валентину Никоновну, Сережу, Олю... Жена устроилась в среднюю школу № 5, она у меня преподаватель химии. Сергей в сентябре пошел в седьмой класс, Олю определили в детский сад. Квартира наша оказалась на пятом этаже, по вечерам, когда я бывал дома, все вместе любили смотреть сверху на городские огни, а детям нравилось наблюдать багровые отблески газовых факелов, которые расцвечивали темное небо со всех сторон.

Первое сибирское лето стало для меня памятным и еще по одной причине. Охотой и рыбной ловлей я увлекался с давних пор. И на

Лене, и в Поволжье, и здесь, в Сибири, это было всегда самым лучшим отдыхом. Причем если на рыбалку обычно выезжал с товарищами, то на охоту уходил один. В тот день на буровой все шло нормально, никаких осложнений не предвиделось, и я, сняв со стены балка ружье, решил пройтись по близлежащим перелескам. Прибыли мы на эту точку недавно, местность я знал плохо, больше по рассказам. Дичь, говорили, есть, только надо быть осторожнее: много топей.

Под ногами пружинили подушки мха. Буровая уже скрылась из виду, а я все шел и шел, стараясь огибать особо подозрительные места. И все-таки один раз оплошал: шагнул на травяной островок, который казался вполне надежным, а нога, не ощутив опоры, провалилась в трясицу. Досадую на свою неосторожность, еще не сознавая всей опасности случившегося, попытался освободиться из плена. Но и вторая нога скользнула в пустоту...

До сих пор не могу понять, испытывал ли я тогда страх. Но чувство полной беспомощности и обидной нелености происходящего вытесняло всякие мысли, мешало сосредоточиться. Я уже провалился в холодную, побулькивающую жижу почти по пояс. Каждое мое резкое движение будто помогало трясице затягивать добычу все глубже.

Опираясь на положенное плашмя ружье — оно увеличивало площадь опоры — и стараясь не шевелиться, я большим усилием воли заставил себя трезво оценить обстановку. Выстрелить, чтобы привлечь внимание, не смог. Кричать бесполезно. Ждать, что придут с буровой, обеспокоенные моим отсутствием, тоже не имело смысла: ушел я недавно — пока

почувствуют неладное, пока начнут искать... К тому времени трясина сомкнется над моей головой.

Теперь безвыходность положения не оглушала, а наоборот, заставляла работать мысль четко и быстро. Значит, надежда только на себя. Что можно сделать? Вои, поблизости чахлая сосенка. Это — спасение, но до нее не дотянуться. Надо что-то придумать... Надо, надо!

Перебрал десятки вариантов, рассчитывая использовать то травяной покров, то ружейный ремень, то свою брезентовую куртку. Мысленно проделал десятки акробатических рывков, но отвергал их один за другим: риск очень велик, в случае неудачи провалюсь еще глубже и шансов не останется. Ставкой в этой жестокой игре с природой была моя жизнь.

В какое-то мгновение почувствовал: одна нога вдруг ощутила слабую опору. Что это — остаток мерзлого слоя? Случайно оказавшееся в трясине корневиче? Решение принял мгновенно. Ногой оттолкнувшись от спасительной тверди, руками — от ружья, метнулся в сторону одинокой сосенки. Пальцы вцепились в траву у ее подножия. Только бы выдержали жесткие переплетенные стебли! Болото не отпускало. Но вот правой рукой удалось схватиться за тонкий шершавый ствол. Потом и левой...

Три часа держала меня трясина.

Когда вернулся на буровую, о подробностях распространяться не стал. Но о самом случае узнали в других бригадах, и один из сторожиков сказал мне:

— Север часто экзаменует новичков таким манером. После этого человек либо, плюнув на все, уезжает, либо влюбляется в эти

края и становится настоящим сибиряком. Говорю вполне серьезно, есть даже специальная статистика...

Может, в шутку было сказано, да и с на- личием «статистики» собеседник наверняка подзагнул, но одно бесспорно: тюменская земля теперь мне настолько близка, что о расставании с ней не может быть и речи.

С полным правом стали считать себя сибиряками и все члены нашей бригады. Отшумела втрамб осень, ударили декабрьские морозы, а с ними наступил и конец года. Подвели итог. За десять месяцев с небольшим бригада пробуррила 53 177 метров! Выходит, не напрасно брали обязательство в 50 тысяч. Ну а что касается плана, то его перекрыли почти вдвое.

Впрочем, год оказался счастливым не только для нашей бригады, а и для всего управления в целом. Другие коллективы тоже успешно справились с поставленными задачами. Кроме того, за разработку комплекса технико-экономических и организационных мероприятий, обеспечивших высокие темпы разбуривания нефтяных месторождений, основой которых явился кустовой метод строительства скважин, тюменским инженерам В. И. Муравленко, М. Н. Сафиуллину, А. Н. Восводе, А. Г. Исянгулову, А. К. Сабирзянову, М. О. Кристу, В. Г. Гришину, В. И. Хлюпину и буровому мастеру В. Г. Калининчуку была присуждена Государственная премия СССР. Тот факт, что лауреатом стал и Валентин Иванович Хлюпин, руководитель нашего УБР-1, показывал, как Родина высоко ценит участие в выполнении важных и ответственных задач, которые решались здесь, в Нижневартовске.

Уже на следующий год наша бригада набурила больше 71 тысячи метров при плане 45 000. Это был третий результат в управлении: больше дали только проходчики Геннадия Левина и Виктора Китаева. Даже не ожидали, честно говоря, что окажемся в тройке лидеров.

Свое обязательство мы превысили на шесть тысяч метров. О коллективе все чаще говорили по радио, рассказывали на страницах газет. Нередко мне приходилось отвечать на вопрос: в чем «секрет» успеха, как удалось с первых дней наладить уверенную, надежную поступь буровиков?

Я добросовестно перечислял: дисциплина, использование прогрессивных приемов, взаимозаменяемость, рационализаторство... И всегда советовал: а вы побеседуйте с членами бригады — «секреты» сразу и раскроются.

Победа или неудача не приходят сами по себе. Сколько бы мне ни говорили о стечении обстоятельств, о процентах вероятности, остаюсь при своем мнении: все начинается с людей. Умелые рабочие руки, трезвый пытливый ум, высокая гражданская сознательность каждого (подчеркиваю: каждого!) члена бригады и есть гарантия высоких производственных достижений.

О людях бригады можно рассказывать долго. Кого ни возьми — достоин похвалы не только потому, что интересен и хорош сам по себе, а и потому еще, что умеет занять свое место и играть свою роль в коллективе. Это очень важно. Возможно, здесь неуместным покажется сравнение, но ведь вот в мировом футболе не раз пытались создать суперкоманду из одних «звезд», однако ничего не

вышло. Яркая личность — прекрасно, но в настоящем коллективе не менее нужна (а может быть, даже нужнее) спаянность людей, истинное товарищество, единодушие по отношению к принципиальным вопросам.

Считаю, что наша бригада — коллектив, и коллектив крепкий. Хотя люди в ней очень непохожие...

Василий Сазонов — мой воспитанник, знаю его много лет. Душа и совесть вахты — называют иногда Василия Фомича. Если у кого-то нелады в семье, или заболел ребенок, или еще приключилась какая напасть — он всегда обязательно узнает об этом, непонятным образом окажется «в курсе» и мягко, неназойливо примет участие, подскажет, поможет. Он никогда не делит вопросы на производственные и домашние, как нельзя разделить саму жизнь: ведь человек в любых условиях одинаково радуется добру и восстает против зла.

Юрий Касатов если не прямая противоположность Сазонову, то уж, во всяком случае, мало чем похож на него. Разве тем только, что тоже блестящий бурильщик. Острый в работе и споре, он с одинаковой страстью говорит о необходимости применения новых долот, о политических событиях на юге Африки и о путях развития советского спорта. За шахматной доской он не раз — и притом успешно — защищал спортивную честь управления буровых работ. Вахтой он руководит так, что люди понимают его с полуслова. Слаженность во время спуско-подъемных или других операций доведена до автоматизма. Но это не холодный автоматизм без проблеска мысли, а подлинное совершенство в работе, мастерство людей одухотворенных, творческих. Между прочим, у нас с Касатовым случались и раз-

погласия, но всякий раз его упорство и настойчивость были направлены на доброе дело — на ускорение проходки.

Коммунист Василий Григорьевич Шевченко. Уже один тот факт, что на Большой земле он работал буровым мастером, говорит о многом. Шевченко, пожалуй, самый рассудительный из бурильщиков. В любой критической ситуации умеет сосредоточиться и принять единственно верное решение. Человек спокойный, сдержанный, однако очень требовательный, об этом в бригаде знают все. Каждый член его вахты усвоил раз и навсегда: лучше сразу до деталей уточнить задание, которое даст Шевченко, чем потом чувствовать себя перед ним провинившимся школьником. А. В. Сивак назвал Василия Григорьевича «профессором бурения». И заслуженно: вот уже четвертый десяток лет строит он глубокие скважины.

Есть в бригаде и сравнительно молодой руководитель вахты — Федор Степанович Метрусенко. Парень горячий, вспыльчивый, из тех, к кому, как говорится, надо найти ключик. Тогда и становятся понятными не объяснимые на первый взгляд поступки. Федор неплохо работал у В. В. Китаева, А. Г. Титова, потом оказался в бригаде Б. М. Давыдова. Я хорошо знаю Бориса Михайловича как производственника, меньше — как воспитателя. Кто прав, кто виноват, судить не мне, но что-то «не пошло» с мастером у Метрусенко. Попросился к нам, трудится уже два года. Мне известны его слабые стороны: увлекшись работой, может посчитать досадной помехой одно из требований техники безопасности, у него порой вызывает раздражение необходимость «слишком» строго соблюдать техноло-

гию... Тут не разнос нужен — под горячую руку он только надерзнет и ожесточится. Надо просто объяснить, что, мол, парадокс получается: рвешься к рекордной проходке, а действиями своими даже выполнение плана под угрозу ставишь. Подумав, Федор соглашается. Человек-то он толковый. А увлеченность — разве это плохо?

Наш бессменный профсоюзный вожак — электромонтер Иван Александрович Шиханов. Организация социалистического соревнования (о нем речь впереди) стала для этого человека родным, кровным делом. Однако совершенно напрасно в последние годы о Шиханове говорят, в основном, как об общественнике. Да, он один из лучших в управлении профсоюзных активистов. Но Иван Александрович остается незаменимым членом бригады, специалистом высокого класса. Он в совершенстве знает электрооборудование, а если надо, может подменить любого помбура. Когда бригада начинает сбиваться с темпа, Шиханов настойчиво ищет причины, советуется с бурильщиками, со мной, вносит дельные предложения.

По-прежнему гордостью коллектива можно считать помбуров Евгения Васильева и Ивана Тихонова, верхового Виктора Курочкина, слесаря Бориса Варламова.

Мне известно, что главный геолог управления Сергей Александрович Дрыга сказал однажды:

— У каждого члена этой бригады очень большой потенциал. Любой из бурильщиков, по существу, мастер. И любой из помбуров может возглавить вахту.

Он прав. За минувшие годы многие хорошие специалисты ушли от нас на повышение.

Молодые парни, которые влились в бригаду уже здесь, на тюменской земле, стараются быть достойными старших товарищей. Волнуют их не только производственные дела. К примеру, технолог Владимир Татаренко, как и другие лучшие комсомольцы УБР, занимается с «трудными» подростками, взял над одним из них персональную опеку. Немало приятных забот доставило бригаде коллективное шефство над одним из школьных классов. Ребята сделали большой альбом, посвященный нашей работе и отдыху, мы бывали у своих юных друзей на уроках и различных мероприятиях, соревновались с ними, заключив предварительно специальный договор. Так продолжалось несколько лет. И вот пришла пора выпускных экзаменов. Без преувеличения скажу: это было радостное, волнующее, ответственное время и для бригады. Особенно для помбура Алексея Голубя — он ведь был вожатым у пионеров, да так вожаком и остался, хотя мальчишки с девчонками давно вступили в комсомол... Алексей очень привязался к детям, одна из ярких отличительных черт его характера — доброта, желание доставить приятное другим.

В последнее время я все чаще думаю о преемственности поколений. Вовсе не хочу списывать со счетов старую гвардию, моих проверенных, испытанных товарищей, но изменения в составе бригады неизбежны, коллектив пополняется новыми людьми. Задача опытных кадровых рабочих — передать знания и умение своей смене. Это не такое простое дело, каким может показаться на первый взгляд.

Наши наставники, в том числе Шиханов, Шевченко, Сазонов, прививают подопечным не

только навыки быстрого и безаварийного строительства скважин. Они стараются, чтобы молодой человек понял: хорошо трудиться — вовсе не значит изматывать себя физически. Готовая скважина — итог коллективной работы, подчеркнутый индивидуализм тут противопоказан. Конечно, работа буровика трудная, но человек думающий, с творческим подходом к делу способен и здесь найти «изюминку», сделать самую обычную операцию интересной.

В воспитании молодых проходчиков не последнее место занимают вопросы, связанные с заработной платой. Наставники не обходят эту тему. Естественно желание человека заработать больше — особенно если он успел обзавестись семьей. Первое, что уясняет новичок в нашей бригаде, — рубли даром не даются, за них надо попотеть. И второе: получка зависит от общего успеха, а значит, от добросовестного отношения к делу каждого, без исключения, члена коллектива.

Что же заботит еще наставников? Честь, марка бригады. Пришедший к нам молодой парень когда-нибудь перейдет на другое место. Там по его качествам, деловым и моральным, станут судить о воспитавшем его коллективе. Мы, старшие, понимаем, что лучше всяких слов и правоучений действует личный пример. Поэтому всегда помним, что фальшь в нашем поведении может потом сорняком прорасти в душе молодого человека.

Как-то, перелистывая местную газету «Ленинское знамя», я увидел статью «Умение работать с людьми». Ее написал Борис Петрович Волков, секретарь партийной организации УБР-1. Нашел там и такие слова: «Постоянно приходится убеждаться: в тех бригадах, где слабо поставлена воспитательная работа,

чаще бывают прогулы, там постоянно ощущается дефицит рабочих рук. А не хватает одного человека в вахте — это уже невыполнение нормы, отставание, предпосылка к аварии... В таких условиях роль мастера как воспитателя, наставника, чуткого учителя резко возрастает. В лучших наших коллективах текучести кадров практически нет. Бригады В. Т. Громова и Г. М. Левина по нескольку лет работают одним составом. Люди из этих коллективов уходят лишь по одной причине — на повышение...»

Что ж, все верно.

* * *

Много памятных дней и событий пережили мы, работая на неприветливом Самотлоре. Меня наградили орденом Трудового Красного Знамени, присвоили звание почетного нефтяника. Орден «Знак Почета» получил Василий Григорьевич Шевченко — его вахта, кстати сказать, установила всесоюзные рекорды проходки: в месяц — 3373 метра и в год — 23 500. Позднее и эти показатели были превзойдены. Не раз отмечали других членов бригады. Все радости считались общими, все испытания мы тоже делили поровну.

Одно из них пришлось на канун 1975 года...

Буровики еще трудились по многовахтовой системе, лишь через год суждено было улечься страстям и утихнуть спорам, а бригадам окончательно закрепиться в четырехвахтовом составе. А тогда, в 1974-м, четыре коллектива в Главтюменьнефтегазе замахнулись на 100 тысяч метров. Это были бригады самотлорцев Г. М. Левина и Г. К. Петрова, сургутяннина Г. П. Еремнина и наша...

Вообще-то, мы сначала больше чем на

85 тысяч не рассчитывали. При плане 49 000 метров и это отличный показатель. Настроение у всех было приподнятое, работали, что называется, от души. К лету стало ясно, что можем перекрыть обязательство. Вот тогда и решили: а почему бы не посоревноваться с другом и соперником Геннадием Левиным на равных? Прежде пашни обязательства всегда были ниже. От имени своего коллектива я официально заявил: дадим тоже сто тысяч метров!

Правда, перед этим велись долгие переговоры с вышкомонтажниками — они обещали нам подготовить на «кустах» фронт работ. Без такой договоренности со смежниками обещать высокую проходку было бы просто неблагоразумно.

Все складывалось как нельзя лучше. Шли мы почти вровень с левинцами, и в начале декабря Иван Шиханов, произведя какие-то сложные расчеты, сказал мне, что обязательство выполним наверняка и что проходка, по всей вероятности, составит приблизительно 103 тысячи метров. Здесь, на обжитом уже 128-м «кусте», и встретим новогодний праздник.

Но никто не застрахован от случайностей. В середине месяца произошла авария...

Обидно! Тем более, что, как выяснилось, нашей вины в случившемся не было: инструмент сорвался из-за брака, допущенного на заводе.

Победа буквально уходила из рук. Главный инженер управления провел на буровой несколько суток — нет, достать колонну не удалось. Нам выражали сочувствие. Дело ведь было не в абстрактном шестизначном числе. Достигнув заветного рубежа, бригада

перешагнула бы не технологический, а психологический барьер: значит, можем!..

Правда, оставался еще один вариант: перейти на «куст» № 129 и немедленно начать вести проходку. Но... Этих «но» было несколько: точка в стороне, дороги туда нет, станок не подготовлен, столовая и жилые балки еще не оборудованы, а главное, даже если успеем там пробурить скважину, этого не хватит. Надо делать передвижку станка и бурить вторую.

Когда предложил бригаде такой выход, все как один сказали: согласны! А морозы стояли лютые, трескался лед в промерзших до дна озерах, водители ни на один миг не глушили двигателей.

«Куст» № 129 встретил стылым молчанием. Вышка обросла куржаком, словно ягелем. Трактор, доставивший нас, тотчас ушел обратно, за продуктами. До конца 1974 года оставались считанные дни...

Ни до этого, ни после я не наблюдал у людей столь яростного желания добиться поставленной цели. Никто не требовал такой самоотдачи. Кроме того, разве, в случае неудачи, буровикам грозила сколько-нибудь существенная потеря в заработке? Или неуважение товарищей? Конечно, нет.

Но как работали! На едином дыхании, забыв про сон и отдых, невзирая на стужу. Вот где пригодились многосторонние знания и универсальность! Одновременно бурили, проверяли раствор, доводили «до ума» станок, готовили к передвижке. Старались не терять понапрасну ни одной минуты.

Некоторых членов бригады мне силой приходилось отправлять домой, «на побывку» к семье. Спорили, возражали: мол, ты, Тимофе-

ич, сам уже вторую неделю безотрывно на буровой...

28 декабря довели скважину на «кусте» № 129 до проектной глубины. К передвижке станка уже все было готово. Мороз не ослабевал, и это обстоятельство всех нас беспокоило: ведь получившие, с легкой руки журналистов, широкое хождение слова «люди на сильном холоде выдерживают, а металл — нет» вовсе не преувеличение. Любая поломка лишила бы нас последнего шанса сдержать слово и выполнить социалистические обязательства.

Оставалось пройти еще около полутора тысяч метров.

Монтажники не подвели: передвижку сделали быстро.

И снова работа. Метр за метром долото уходило в недра земли.

Не гасли прожекторы. Декабрьский день на Севере короток, к тому же буровая постоянно была в клубах пара.

Метр за метром.

Это было как одна долгая и напряженная вахта.

31 декабря в 4 часа (уже темнело) бригада достигла с начала года стотысячного метра проходки... Какой радостью светились глаза людей, окружавших меня в эти зимние сумерки на буровой у замерзшего Самотлора! А еще в их глазах виделась смертельная усталость.

Оказывается, проходчиков других бригад уже поздравили с Новым годом, в управлении прошло импровизированное собрание, посвященное итогам работы, а я все сидел в балке, навалившись спиной на тонкую холодную стену, и не совсем ясно понимал, о чем говорили мои товарищи.

Прямо под окном, сверкнув фарами, с грохотом развернулся трактор. Прибыла смена. Вошедшие жали руки, щелкали по каске.

— С победой, Тимофенч! С победой всех вас! А теперь собирайтесь-ка, дома ведь ждали, надо за праздничный стол успеть!

О нас позаботился председатель профсоюзного комитета Михаил Герасимович Атаян...

Домой я попал в десять вечера, за два часа до Нового года. И уже за столом узнал, что наша бригада стала четвертой стотысячницей. В целом же показатели за год такие: Г. М. Левин — 102 849 метров, Г. К. Петров — 102 151, Г. П. Еренин — 100 695, у нас — 100 059...

Позже меня не раз спрашивали, каким образом удалось организовать людей и поднять их на взятие такого трудного рубежа. Кое-кто даже ставил вопрос иначе: действительно, это был штурм рекорда, а не штурмовщина, какая случается в конце года? Можно удивляться таким вопросам, можно обижаться, но отвечать надо. Обычно я говорил так:

— Работать с подъемом, с интересом, с радостью человек не может по принуждению. Так что знаменитая многочасовая предновогодняя вахта — дело добровольное. Однако был один фактор, который буквально заставлял людей напряженно трудиться, подгонял, поторапливал...

— Что же это?

— Социалистическое соревнование.

* * *

Невозможно переоценить силу влияния трудового соперничества на работоспособность коллектива, на достижение высоких производственных показателей. Если соревнование организовано не формально, если это живое

дело, понятное и близкое каждому из соревнующихся, эффект его очень высок.

Нам повезло: в Нижневарттовском управлении буровых работ № 1 данному вопросу, как принято говорить, уделяется должное внимание. Контроль за ходом соревнования, оказание практической помощи коллективам буровых бригад и другим низовым звеньям осуществляет специальная комиссия. Ход соревнования ежемесячно рассматривается на расширенном заседании бурового комитета профсоюза и администрации.

Летом 1979 года мне попал в руки свежий номер отраслевого производственно-массового журнала «Нефтяник». На обложке, на яркой цветной фотографии, — народная артистка РСФСР, лауреат Государственной премии СССР Валентина Михайловна Леонтьева берет интервью у В. И. Хлюпина. Валентин Иванович сидит в актовом зале среди нефтяников области, рядом наши буровые мастера А. Д. Шакин, В. С. Глебов, Б. М. Давыдов. В их числе и я. Снимок был сделан во время подготовки телевизионной передачи из цикла «От всей души».

Так вот, в этом номере журнала выступило несколько работников нашего УБР. Писали они и о социалистическом соревновании. Позволю себе привести две выдержки.

Г. Левин, буровой мастер, заместитель Председателя Президиума Верховного Совета РСФСР, Герой Социалистического Труда: «Мы работаем не по нормам времени, которыми регламентируется труд каждого, а по норме совести, критериями которой являются эффективность и качество выполненной работы... Я могу с полной ответственностью сказать: если бы не было повседневного соперничества

с бригадами В. Т. Громова, А. Д. Шакшина, В. И. Воловодова и другими сильными коллективами, мы бы не смогли постоянно улучшать результаты работы. В социалистическом соревновании, как в зеркале, сфокусированы возможности каждого коллектива. Побеждает тот, кто к работе подходит творчески, экономя каждую минуту».

А. Сивак, начальник отдела труда и управления производством: «Действуют традиционные, годами испытанные формы соревнования: борьба за звание «Лучший по профессии», «Лучший наставник», «Лучший организатор и воспитатель», «Заслуженный работник УБР» и другие. Особо следует отметить соревнование между буровыми бригадами. Накал трудового соперничества между ними так высок, что в бригаде Г. М. Левина можно получить безошибочную информацию о ходе работ в бригаде В. Т. Громова и наоборот. Бригада Б. М. Давыдова до деталей знает, что делается в бригаде С. А. Осадца, а те, в свою очередь, хорошо информированы о работе своих соперников. Большую роль в этом играет как личный интерес, так и то, что руководство управления ежедневно, еженедельно, ежемесячно доставляет во все бригады информацию о ходе буровых работ. Такая гласность позволяет коллективам бригад, вахт, отдельным исполнителям ежедневно бороться за каждый метр проходки, за каждый час рабочего времени, за каждый рубль вкладываемых средств».

Со дня нашего прибытия в Нижневартовск бригада Геннадия Левина была примером для подражания, маяком, показывающим верный путь. Но мы не слепо копировали приемы своих друзей-соперников, да это и невозможно.

Прежде всего, мы с Левным люди, разные по характеру, не во всем совпадают наши методы руководства коллективом. Кроме того, некоторые вопросы Геннадий Михайлович может решать, выходя непосредственно на начальника вышekomонтажного управления А. А. Бабларьяна или генерального директора объединения Нижневартовскнефтегаз Л. И. Вязовцева, а у меня иные пути.

Но дело не в деталях. Главное — достойный соперник заставляет мобилизовать все силы, использовать каждую возможность, чтобы достичь таких же результатов.

С 1976 года все бригады Главтюменьнефтегаза перешли на четырехвахтовую систему. Перекрывая плановые задания и социалистические обязательства, по окончательным итогам мы все-таки постоянно уступали левинцам. Поэтому можно себе представить радость коллектива, когда стали известны результаты 1977 года: бригада Левина пробурила 77 011 метров, а наша — 78 268! Это был наивысший показатель в главке. Характерный штрих: первыми с успехом нас поздравили сам Геннадий Михайлович и его ребята.

Каким образом добились мы рекордной проходки? Слагаемых много. Конечно, основная причина — слаженная, самоотверженная работа всех членов бригады. Но хочу подробнее остановиться на моменте, о котором уже упоминал, — использовании новой техники и технологии.

Главтюменьнефтегаз и завод-изготовитель сконструировали так называемую поэтажную буровую. Ее прислали на испытания. По замыслу авторов такая установка должна была сократить капитальные затраты на строительство кустовых оснований, перемещаться с го-

товой скважины до новой точки без выброса инструмента на мостки. Все, кто попробовал работать на этом станке, отвергли его. Мы же поступили иначе: оценив несомненные достоинства новинки, некоторые узлы изменили, улучшили совместно со специалистами завода-изготовителя.

Наш «большой пароход» — любовно называли в бригаде поэтажную буровую. Непрерывно совершенствуя уникальную установку, мы добились экономии 6—8 часов на каждой скважине при перемещении оборудования с точки на точку. А это — дополнительно 500—600 метров проходки в месяц, около семи тысяч в год... Именно новая буровая помогла нам обойти бригаду Г. М. Левина.

Первыми в УБР-1 применили мы и специальное приспособление для подвески колонны при цементировании. Новаторы управления предложили очень остроумный вариант. Действительно, зачем буровую установку держать над скважиной после заливки цемента целые сутки, ждать, пока он затвердеет, если можно — используя рацпредложение — через пять часов передвинуть станок и начать проходку нового ствола? Сейчас это воспринимается как азбучная истина, а в свое время не каждый решался на риск.

Еще одна технологическая находка — разбуривание породы под направлением с использованием шламового насоса. Она позволила сократить операцию на несколько часов.

В бригаде многие занимаются рационализацией. Я тоже не исключение. Семь предложений, которые внес, не только дали тысячи рублей экономии, но и значительно улучшили условия работы буровиков. Меня и моих товарищей не один раз награждали премиями «за

внедрение и содействие внедрению рационализаторских предложений». К нам охотно приезжают представители различных научно-исследовательских институтов, знакомят с новшествами, советуют, предлагают...

Не всегда новое — значит лучшее. Как сейчас помню, в бригаде проходил испытания электромеханический вибратор. Этакая многотонная машина над головой — ни одна инспекция не разрешила бы ее эксплуатировать. Мы тоже отказались. Упрекали нас в консерватизме, в неадаптивности. Но, как всегда, окончательный приговор неудачному приспособлению вынесло время.

Проходка наклонных скважин — дело сложное, не сразу вступишь во все топкости. Для того чтобы стабилизировать бурильный инструмент, предотвратить его «зависание», мы стали использовать наддолотные калибраторы. В результате каждым долотом удавалось пройти по 270 и больше метров.

Скважины никогда не повторяют одна другую, даже если геологический разрез идентичен. Но некоторые особенности технологии в бригаде уяснили твердо и так же твердо следуют выработанным практикой правилам. До 1500—1600 метров бурение ведется на воде или облегченном глинистом растворе, очистка которого производится ситоциклонными установками. Запомнили также, что только внимательный контроль за параметрами промывочной жидкости может предохранить от аварии.

Применяем мы быстросъемные устьевые соединения, при проработке ствола — калибраторы, при спуске колонны — обратные дифференциальные клапаны. Спуско-подъемные операции, которые требуют много времени и

трудовых затрат, существенно ускорили, применив легкосплавные буровые трубы.

Построив опорно-технологическую скважину, всегда составляем подробную карту разреза с четкими обозначениями оптимальных приемов работы. Такая карта — как добрый советчик, она помогает добиваться высоких технико-экономических показателей. Несколько стволов построили с коммерческой скоростью до 12 тысяч метров на станок в месяц. К примеру, скважину № 2905 глубиной 1820 метров пробурили за четыре с половиной дня, а по норме давалось свыше восьми.

Мастерство, умение высокопроизводительно работать в условиях Среднего Приобья пришли не сами по себе. Все члены нашей бригады не только постоянно бывали у именитых соперников, перенимали лучшие приемы на практике, но и прилежно учились в школе «Передовой опыт повышения эффективности производства и качества работ», которая действовала в УБР-1. А с 1978 года мы сами стали в некотором роде «преподавателями». Дело в том, что на базе бригады организовали школу передовых методов труда, и к нам стали приезжать буровики со всего нефтяного края.

Учеба — великое дело. Непозволительная роскошь — искать верные пути методом проб и ошибок, идти к истине на ощупь, если этот путь уже пройден и проверен другими. Просто не по-хозяйски, не по-государственному. Большую роль тут играет совет мастеров, который собирается раз в месяц. В этот день специалисты управления детально и конкретно анализируют работу бригад, заслушивают доклады всех буровых мастеров об обстановке в коллективах, разбирают случаи аварий, травматизма, нарушения трудовой дисциплины.

Здесь же руководители буровых бригад действуют опытом работы, сообща определяют, как предупредить или устранить те или иные недостатки.

В последнее время все более ощутимую пользу приносят дни бурильщиков и помбуров, проводимые тоже ежемесячно. Прежде могло случиться так: произошла на «кусте» авария, выяснили ее причины, исключили возможность повторения, а через несколько дней такой же случай — в соседней бригаде. Теперь, когда бурильщики управления вместе решают одни проблемы, такое, по существу, исключается. То же самое с применением повинок, правильным использованием реагентов: успех одного коллектива сразу становится достоянием всех.

Немалую роль играет и тот факт, что социалистическое соревнование не ограничивается одним уровнем: бригада с бригадой. Соревнуются и вахты. У нас, например, соперничают смены В. Г. Шевченко и Ю. П. Касатова, Ф. С. Метрусенко и В. Ф. Сазонова. В. Ф. Сазонов, кроме того, заключил договор на соцсоревнование с вахтой В. А. Гринева из бригады Левина. Вряд ли можно в таких условиях не знать какую-либо технологическую тонкость, если ее применяют товарищи.

На 1978 год план бригаде увеличили, он составил 58 тысяч метров. Какие взять обязательства? Рассуждали мы приблизительно так: если в предыдущем году набурили 78 268 метров, то теперь, естественно, надо намечать рубеж еще выше. Для ровного счета — 80 тысяч.

Однако когда я попробовал вынести это предложение «за пределы» бригады, то неожиданно ощутил сильное противодействие. В разных выражениях разные люди, в том

числе и очень уважаемые мной, советовали, рекомендовали и даже требовали отказаться от подобного заявления.

— Замахнувшись на такую высоту, вы привлечете к себе всеобщее внимание. А не сдержав слова, подпортите не только свою репутацию, но и всего управления.

— Ты же помнишь, с каким напряжением удалось «вырвать» прошлогодние метры. Поэтажка помогла, в решающий момент удачный «куст» попался. Но ведь раз на раз не приходится...

— А не кажется ли вам, что начинаете зарываться? Ты, Громов, вообще натура конфликтующая. Почему всегда споришь, если тебе дело говорят?

Должен признаться: чего я начисто лишен, так это умения поддерживать «дипломатический» разговор. Резкость и прямолинейность не раз сослужили мне плохую службу. Но я не жалел о своих словах, и у меня нет намерения пробовать подстраиваться под чье-то мнение или настроение.

Раз-другой поспорив относительно наших обязательств, я глубоко задумался лишь после того, как ко мне подошел Геннадий Левин.

— Послушай меня, Тимофейч. Сам знаешь: число буровых бригад и даже управлений в Нижневартовскнефтегазе постоянно растет, а база, по существу, остается старой. Я не отговариваю тебя. Но, прежде чем обещать 80 тысяч, надо учесть буквально все...

— Включая и тот факт,— подхватил я,— что рядом работает известная бригада мастера Левина с богатейшим опытом. В случае чего, поможете советом и делом. Ведь так?

Через несколько дней художник аккуратно выводил на стенде белой краской «Социа-

Листические обязательства буровых бригад УБР-1...» Первыми значились фамилии мастеров Г. М. Левина и В. Т. Громова. Оба наши коллектива обещали дать по 80 тысяч метров проходки.

* * *

В один из морозных зимних дней в здании нашего управления буровых работ неумовимо изменилась атмосфера. Те же сотрудники в тех же кабинетах вели себя несколько странно. Не было обычной деловой суеты. В разговорах и действиях людей ощущалась какая-то торжественность. И еще — во всем чувствовалось ожидание.

Скоро со стороны аэропорта к конторе управления подошел автобус. Распахнулись двери, и сухой снег тонко заскрипел под девятнадцатью парами тщательно вычищенных сапог. Рядом с зеленой стеной корпуса УБР-1 появилось девятнадцать зеленых фуражек.

Прибыли демобилизованные пограничники.

На территории Тюменской области — 15 Всесоюзных ударных строек. Время от времени число их меняется, но не намного: едва один стройки завершаются — комсомольцы уже вбивают колышки под другие. И стало доброй традицией встречать на важнейших объектах демобилизованных воинов — чаще всего пограничников. Они создают свои «заставы» в Надыме и Уренгое, Сургуте и Тобольске. Взяв в руки мастерок или сев за баранку автомашины, эти парни с честью продолжают нести свою службу — уже в гражданском варианте. Надежный народ!

Почему же приезд ребят с границы в наше управление оказался событием, прямо скажем, непривычным? Дело в том, что прежде

новоселы поступали в строительные организации, шли в механизаторы на транспорт, а вот стать буровиками не решались. Между тем освоение Самотлорского нефтяного месторождения — тоже одна из Всесоюзных ударных комсомольских строек.

Высыпавшие из автобуса вчерашние пограничники приплясывали на морозе в своих блестящих сапогах.

— Входите, входите! — пригласили их. — Сейчас с вами побеседуют руководители управления, расскажут о нашем коллективе, о традициях УБР...

Одна из традиций — это я теперь знал точно — с заботой и вниманием встречать новых людей.

В ходе бесед с пограничниками решившими посвятить себя бурению, выяснилось, что ни один из них не только не представляет себе трудностей предстоящего дела, но и буровой вышки в глаза не видел.

— Не велика беда! — успокаивали парней. — Позанимаетесь с месяц в учкомбинате — обо всем узнаете. А чтоб заранее известно было, где придется работать, прямо сейчас и распределим вас по буровым бригадам.

Так у нас появились два новых члена бригады — Валерий Ковтун и Иван Венгеренко.

Чтобы все пограничники, пополнившие коллектив Нижневартовского УБР-1, сразу увидели и осознали, что такое вахта на буровой, им объявили:

— Через несколько минут всем снова сесть в автобус. Поедем на митинг, который состоится в бригаде мастера Громова...

В тот день мы как раз выполнили годовые социалистические обязательства. Думаю, во-

все не обязательно было проводить по этому поводу митинг, хотя успех дался нелегко, но руководство УБР ставило целью не только поздравить нас с победой, а и приобщить к рабочему торжеству новичков.

До точки ехали около часа. Каких только вопросов не задавали в пути вчерашние пограничники! От деловых, заставляющих задуматься, до самых наивных — вроде того, не обвалится ли земля, если из-под нее выкачать нефть; правда ли, что комары здесь прокусывают кирзовые сапоги; часто ли ездят на собачьих упряжках, где бродят медведи и т. п.

Но вот автобус, скрипнув тормозами, остановился. Выйдя на площадку, пограничники все, как один, придерживая зеленые фуражки, стали смотреть вверх. Я это замечал неоднократно. Новый человек прежде всего обязательно смотрит на вершину буровой вышки.

— Ничего там особенного нет, — добродушно произнес один из сотрудников УБР. — Самое интересное ниже — вон, видите, люди работают?..

Проходку вела вахта Василия Фомича Сазонова. Это на ее долю пришлось «счастливые метры» — последние в счет сообразительств.

Митинг был недолгим, однако он явно произвел на новичков впечатление. Выступили начальник УБР-1 В. И. Хлюпин, руководитель отдела научной организации труда А. В. Сивак, наш профсоюзный лидер И. А. Шиханов, я тоже сказал несколько слов... Всем членам вахты вручили в честь памятного дня сувениры — наручные электронные часы. Но, по-моему, пограничников больше поразило не это, а искренность и задушевная теплота, с которой поздравляли наш

коллектив, и общая радость в связи с трудовой победой — получалось, что это был успех не только вахты, или бригады, или даже УБР-1, а достижение всех буровиков Самотлора.

— Так оно и есть, — объясняли мы позже Валерию Ковтуну и Ивану Венгеренко. — То, чего сегодня удалось добиться нам, завтра сделают на соседней буровой. Мы ведь тоже многое использовали из арсенала соперников. Но, конечно, в любом случае главную ставку делаем на рабочие руки. Теперь будем рассчитывать также и на ваши...

Бравые пограничники более чем на месяц превратились в прилежных учеников. В учкомбинате они знакомились с теорией, слушали лекции, наставления ведущих специалистов УБР-1 и объединения Нижневартонск-нефтегаз, практические навыки работы приобретали, выезжая непосредственно в бригады проходчиков недр. Со щеголеватыми сапожками парням пришлось до поры до времени расстаться: обулись в теплые унты, получили спецодежду, стали походить на бывалых «северных волков». Пришло время — сдали экзамены и рассредоточились по своим коллективам.

К Ивану и Валерию у нас относились хорошо с первых дней. С одной стороны, все мы понимали, что бригада постепенно будет обновляться, надо исподволь готовить надежную смену, а с другой стороны, ребята вызывали уважение к себе трудолюбием, упорством, дисциплинированностью. Они быстро усвоили не только многие технологические «хитрости», но и — что еще важнее — душой и сердцем приняли те неувольнимые особенности взаимоотношений в своей бригаде, которые

К фотографиям на вкладке

Рабочий день у буровиков начинается с дороги. И ею завершается трудовая смена: вахтовый автобус, словно речное судно причал, покидает буровую, позади остается светящаяся огнями вышка...

Вперед дорога. Есть время на размышления. Но это после шуток, громких разговоров, смеха, которые просто необходимы, чтоб снять напряжение дня, потребовавшего полной выкладки физических и нравственных сил.

А что касается размышлений, то они у бурового мастера В. Т. Громова все в основном вокруг одного вопроса — как ускорить проходку недр, как лучше организовать труд бригады, чтоб росло число пробуренных коллективом скважин.

За размышлениями — дело. Не зря громовская бригада считается одной из лучших в отрасли, а мастер В. Т. Громов удостоен звания лауреата Государственной премии.

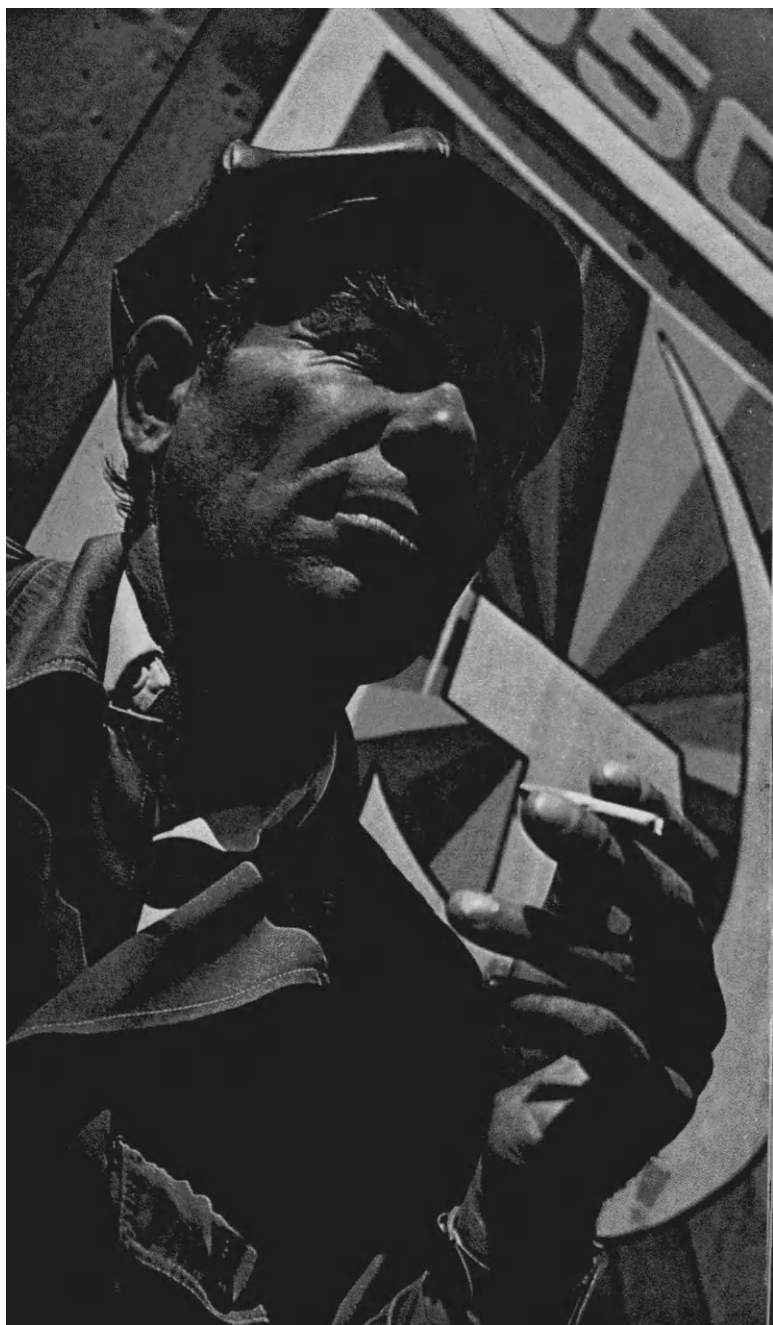
Нелегко труд нефтяника — проходчика недр. В Западной Сибири он осложняется рядом факторов, которых нет, скажем, в Башкирии или в Азербайджане. Если мы часто слышим фразу о том, что, несмотря на суровые природные условия, нефтяники Тюменской области наращивают темпы добычи нефти и газа, то она говорит об одном: человек сумел победить сибирские морозы, болота и тундру. И не только: люди закалились здесь духовно и физически в борьбе с «природным фактором». К примеру, из бригады В. Т. Громова ни один работник не покинул Тюменский Север без весьма серьезных оснований.

О том, какие люди собрались в одной из вахт громовской бригады, дают представление снимки, сделанные фотомастером А. В. Нагибиным в один из обычных рабочих дней. Мужественные, открытые, честные, объединенные общей целью в коллектив — главную силу, успешно осваивающую просторы Западной Сибири.

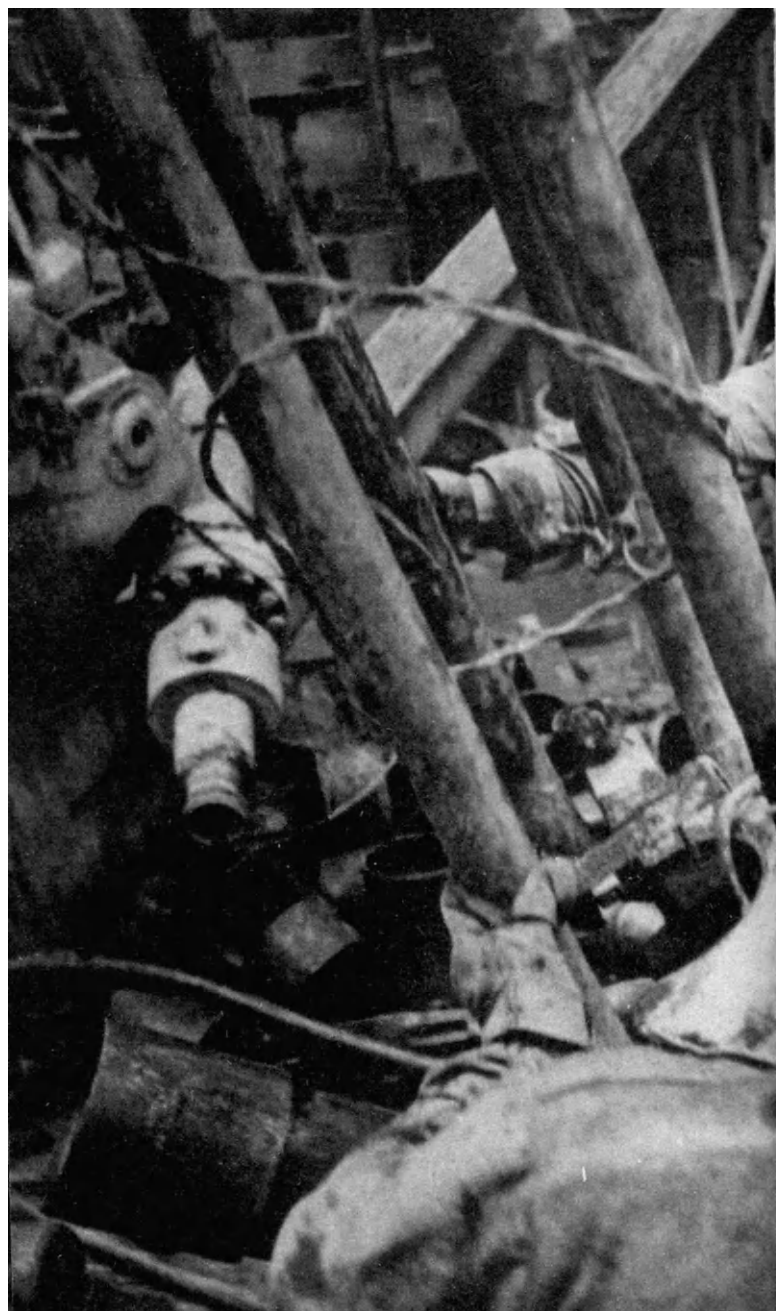

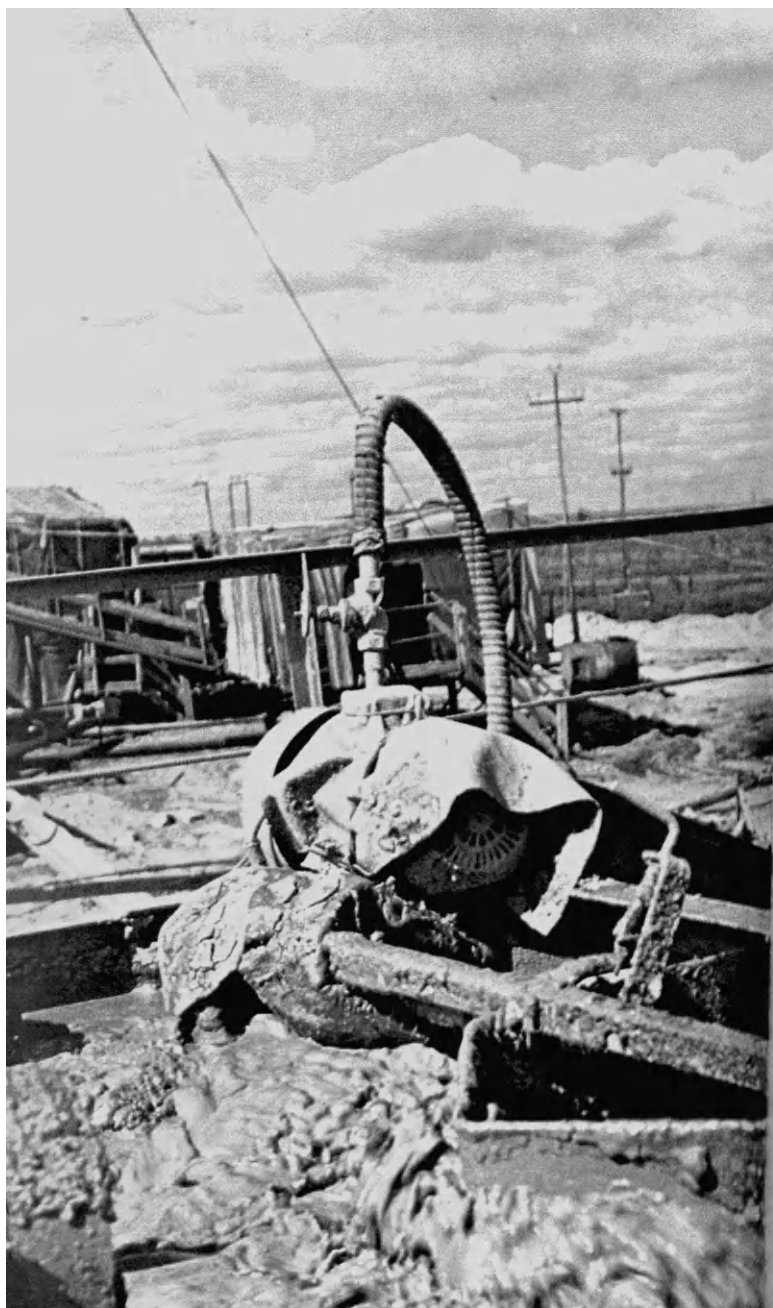

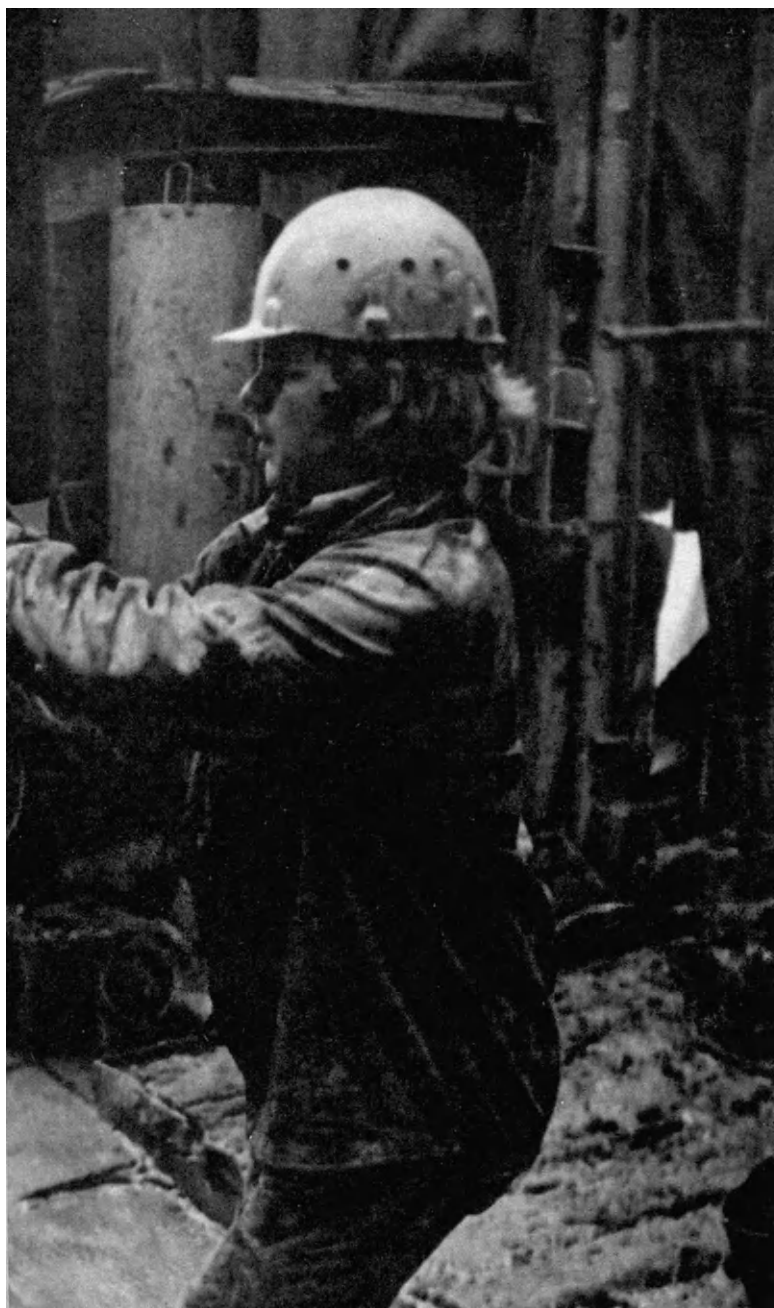

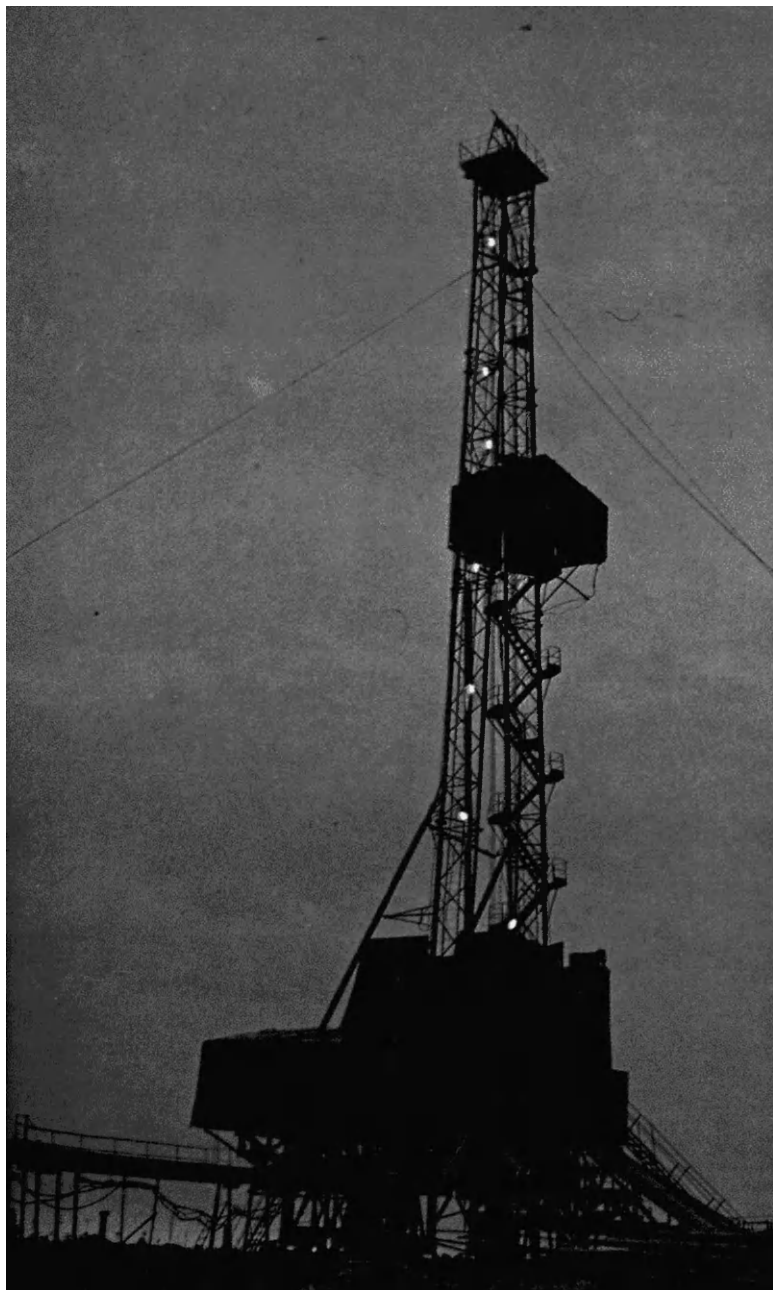

порой называют неписаными законами коллектива.

Сейчас, по истечении двух с лишним лет, можно смело сказать, что посланцы границы явились отличным пополнением. Лишь единицы по разным причинам расстались с Нижневартовском: кого потянуло домой, в менее суровые края, а кто «не вписался» в новый коллектив, не смог найти с буровиками общего языка. Определить виновника здесь не просто: возможно, человеку уделили мало внимания, а может, и сам он — не из тех, кто готов полностью выкладываться ради общего дела. Встречаются ведь, к сожалению, и такие...

Что касается парней, пришедших в нашу бригаду, то они работают и по сей день. Валерий — помбуром в вахте Василия Сазонова, а Иван у Федора Метрусенко, имеет уже четвертый разряд. С того момента, когда они с удивлением и робостью смотрели на буровую вышку, много воды утекло, многое изменилось. Теперь это специалисты бурения, знакомые с самой передовой технологией проходки. Таким, как они, можно без всяких опасений передавать эстафету. Новички перестали быть новичками.

В самом деле: беру как-то в руки номер нашей многотиражки «Нефтяник», а там фотоснимок, изображающий четырех человек у буровой.

— Смотрите, — говорю товарищам, — это же наши в объектив попали!..

Газета пошла по рукам.

— Точно. Наши, — слышу в ответ.

А на снимке, между прочим, — Василий Шевченко, Иван Шиханов, Иван Венгеренко и Юрий Юртин. И если уж быть строгим, то «наших» — из числа тех, кто прибыл сюда в

- далеком теперь 1972 году,— только двое: Шевченко да Шиханов. Но теперь и Венгеренко с Юртиным твердо заняли свое место в коллективе.

Иван Венгеренко, как уже было сказано, прибыл с группой пограничников. А вот третий помбур Юрий Александрович Юртин приехал в Нижневартовск «неорганизованным порядком». Работал человек на Челябинском тракторном. И предприятие знаменитое, и заработки были неплохие, и жизнь казалась вполне налаженной. Но прослышал про северное раздолье, про реки здешние и леса, про воздух, на травах настоянный,— и приехал. Просто так. Сам по себе. Проверить, как и что. Присмотреться.

Год пролетел для него незаметно. Кроме запаха летних трав преподнес ему Север и весеннее бездорожье, и зимнюю стужу, и бесконечные дожди долгой осени... Ничего! Устоял, выдержал. Сдал, как и все мы когда-то, экзамен на акклиматизацию.

Про свой именитый завод ничего плохого не говорит Юрий Александрович, однако и не скрывает, что работать на Севере правится все-таки больше. По душе ему простор вокруг буровой, напряженный труд и прочная спайка в коллективе, ставшем родным.

Состав бригады, таким образом, постепенно, почти неусловно менялся, а бурить мы продолжали прежними темпами. Давалось это нелегко: надо было постоянно следить за совершенствованием проходки, не упустить ни одной полезной новинки, в полной мере использовать передовой опыт.

Характеризуя общее положение дел, генеральный директор объединения Нижневартовскнефтегаз Л. И. Вязовцев отмечал:

- далеко темп 1972 году,— только двое: Шевченко да Шиханов. Но теперь и Венгеренко с Юртиным твердо заняли свое место в коллективе.

Иван Венгеренко, как уже было сказано, прибыл с группой пограничников. А вот третий помбур Юрий Александрович Юртин приехал в Нижневартовск «неорганизованным порядком». Работал человек на Челябинском тракторном. И предприятие знаменитое, и заработки были неплохие, и жизнь казалась вполне налаженной. Но прослышал про северное раздолье, про реки здешние и леса, про воздух, на травах настоянный,— и приехал. Просто так. Сам по себе. Проверить, как и что. Присмотреться.

Год пролетел для него незаметно. Кроме запаха летних трав преподнес ему Север и весеннее бездорожье, и зимнюю стужу, и бесконечные дожди долгой осени... Ничего! Устоял, выдержал. Сдал, как и все мы когда-то, экзамен на акклиматизацию.

Про свой именитый завод ничего плохого не говорит Юрий Александрович, однако и не скрывает, что работать на Севере правится все-таки больше. По душе ему простор вокруг буровой, напряженный труд и прочная спайка в коллективе, ставшем родным.

Состав бригады, таким образом, постепенно, почти неуловимо менялся, а бурить мы продолжали прежними темпами. Давалось это нелегко: надо было постоянно следить за совершенствованием проходки, не упустить ни одной полезной новинки, в полной мере использовать передовой опыт.

Характеризуя общее положение дел, генеральный директор объединения Нижневартовскнефтегаз Л. И. Вязовцев отмечал:

— Если кому-то покажется, что высокие темпы роста объемов буровых работ — следствие исключительно благоприятных условий для строительства скважин, что возможности буровиков в этих условиях безграничны и зависят только от желания людей, то это будет далеко от действительности. Думать так — значит, не видеть за впечатляющими цифрами напряженный труд и усилия сотен и тысяч людей, участвующих в освоении одного из основных нефтяных районов нашей страны. А район этот за прошедшие годы никаких изменений с точки зрения географической и геологической не претерпел. Остались те же непроходимые болота и суровые зимы, но прибавилось несколько новых, совсем необжитых и более удаленных от промышленных баз месторождений. Кроме того, увеличились средние глубины скважин. Для того чтобы выполнять установленные задания и социальные обязательства, мы проводим единую техническую политику по совершенствованию организации и технологии проходки, увеличиваем применение новых типов долот, улучшаем качество промывочных жидкостей... Прихваты инструмента — основной вид аварий, зависящих главным образом именно от состава этих жидкостей, — сократились в последние годы примерно вдвое... Особое внимание мы уделяем развитию и дальнейшему совершенствованию кустового метода строительства скважин. Организация и технология, скорости кустового наклонно направленного бурения фактически доведены до показателей, достигнутых при проходке вертикальных стволов. Высокий технологический уровень кустового бурения, а также значительное снижение затрат на сооружение скважин, искусственных

оснований и подъездов к ним обеспечили большую эффективность этого метода. Выгоды кустового метода становятся еще очевиднее, если учесть, что при этом значительно сокращаются и затраты на промышленное обустройство...

Высказывания на подобные темы мы слышали постоянно: на собраниях, производственных совещаниях, когда проходил день мастера и день бурильщика, в узком кругу и при большой аудитории. Порой мнения совпадали не во всем, по некоторым моментам возникали дискуссии. Так или иначе, но можно сказать, что в УБР-1 существовал своего рода постоянно действующий «нефтяной ликбез». Для новых членов бригады это была замечательная возможность познакомиться с историей освоения Самотлора, со стратегией и тактикой похода за трудной сибирской нефтью.

Победы и рекорды пришли не сразу. Даже наша бригада притихла, когда обстановка здесь уже в некотором роде стабилизировалась. Вспоминая трудности первых лет, начальник УБР-1 В. И. Хлюпин пояснял тем, кто этого не знал:

— Центральная часть Западной Сибири — это и суровые климатические условия, и практически полное бездорожье, когда большая часть территории представляет собой непроходимые болота, а в весеннее время надолго заливается паводком, и необходимость огромных пространств, и необходимость доставки из других районов страны всего, что требуется для нормальной жизни и работы людей, — оборудования, почти всех материалов, продуктов питания... Первые годы работы УБР были очень тяжелыми. Трудно забыть неуда-

чи того времени. Мы не смогли выполнить планы 1965 и 1966 годов. Нелегкими были и следующие два года. Лихорадили крупные срывы в снабжении. Случалось, что наши грузы не успевали дойти в навигацию, зима заставляла суда в пути за сотни километров от места назначения. В труднейших условиях бездорожья приходилось своими силами, которых было отнюдь не в избытке, пробивать к застрявшим судам зимники, чтобы вывезти жизненно необходимые для производства материалы и оборудование. Люди совершали героические усилия, тратили массу энергии, сил, времени, но планы все-таки не выполнялись... Перелом наступил в 1969 году. В январе историческую ныне скважину № 200 на Самотлорском месторождении начала бурить бригада мастера С. А. Повха, а в феврале по соседству, на скважине № 202, приступила к работе бригада буровиков Г. М. Левина. Выход на Самотлор помог нам ликвидировать отставание...

Эти слова В. И. Хлюпина, на мой взгляд, приносили большую пользу. Узнавая, сколь трудным был путь тех, кто начинал, кто вел проходку первых скважин, сегодняшние новоселы Нижневартовска строже оценивали свои собственные поступки, старались беречь и укреплять сложившиеся традиции, стремились в труде и в быту быть достойными продолжателями дела первопроходцев.

О членах своей бригады скажу так: за все время нашего здесь пребывания почти не было случаев, чтобы коллектив не перевоспитал нерадивого работника.

«Почти? — спросят меня. — Значит, все-таки и горечь поражений пришлось испытать?»

Не знаю, можно ли назвать поражениями эти «неоконченные истории»... Но умолчать о них нельзя. А говорить, что у нас в бригаде с момента приезда по сей день все шло гладко, без сучка и задоринки,— значит, погрешить против истины.

* * *

Утром в вахтовом автобусе Гурова опять не было...

Я люблю эту раннюю рань, когда город еще спит, а проходчики уже спешат к автовокзалу, чтобы ровно в шесть отправиться по звенящей бетонке к своим буровым. За минуты, оставшиеся до отхода машины, можно не спеша выкурить сигарету, перебраться фразой-другой относительно вчерашнего хоккейного матча, транслировавшегося по телевидению, узнать, удачной ли была рыбалка, на которую так старательно собирался накануне приятель.

Придя на остановку, Василий Сазонов осмотрелся, покашлял в кулак и нахмурил брови. Было видно, что ни хоккей, ни рыбалка в данный момент его не интересуют.

Продолжая хмуриться, подошел ко мне.

— Гурова не вижу. Вчера, говорят, снова навеселе был. Вдруг не придет? Сам понимаешь: вахта не в комплекте — работа не та.

Попробовал успокоить Василия Фомича: мол, время еще есть, подождем, а у самого сердце тоже было не на месте.

Всматривались в каждого, кто подходил к вокзалу: не он ли? Стали беспокоиться и другие члены вахты:

— Гурова-то нет...

Подошло время, все заняли места в машине. Водитель вопросительно смотрел на

меня. Чуть помедлив, я вошел в салон и кивнул: трогай.

Автобус трясло на выщербленных бетонных плитах, временами на городских улицах даже в столь ранний час возникали пробки, если вдруг неуклюже выворачивал чей-нибудь «Магпрус» или КрАЗ с прицепом, но никто из буровиков не балагурил, как обычно, не отпускал шуточек и веселых реплик.

Иван Гуров появился в бригаде не так давно. Работал вроде бы старательно, поручения выполнял исправно. Была, правда, в его движениях какая-то унылая монотонность, будто делал он все только потому, что иначе нельзя, что никакого другого выхода нет.

Вначале подбадривали его, старались расшевелить. Потом спросили напрямую:

— Чего ты, как сонная муха? Устаешь? Не высыпaeшьcя? Или забота какая?

— Все в норме! Дела что надо!

Бодрые слова эти он произнес вялым, бесцветным тоном.

На время оставили человека в покое. А вскоре все прояснилось. В одну из ночных вахт, видя, как Гуров словно на ощупь пытается поймать рукоятку ключа, его напарник громко сказал:

— Братцы! Гляньте-ка... Ваня-то наш того... не сонный и не усталый... он же с глубочайшего похмелья!

Сазонов смахнул со лба выступивший пот. Ведь рукой подать до беды! Незадачливого помбура немедленно отстранили от работы, выпроводили с буровой. Мы привыкли в бригаде к железной дисциплине, к ответственности, к самоограничению, к трезвости, наконец. Привыкли верить друг другу, полностью по-

лагаться на товарища, который находится рядом. И нового среди нас человека автоматически наделили такими же качествами. Поэтому, видимо, и не разгадали Гурова сразу.

Он, понятно, каялся потом, ссылаясь на семейное торжество, которое состоялось накануне, заверял, что впредь такого не повторится...

Увы, повторилось. И ведь что любопытно: на этот раз уже не бил себя в грудь и не давал никаких обещаний. Напротив, говорил резко, вызываясь, пытался не оборону держать, а идти в наступление.

— Чего вы носитесь со своей рабочей честью? Где она, что это такое, дайте пощупать! Я свои часы отрубил, раствору наглотался, машинной вони нанюхался — и амба! И не лезьте мне в душу с нотациями!

— Послушай, Иван,— пробовали урезонить его буровики.— Пойми простую вещь: не может быть человек сам по себе. Ты вахте не даешь работать в полную силу, вахта бригаде всю обедню портит, а от показателей бригады зависит обстановка и в управлении. Ведь тебя в УБР-1 взяли, это за удачу считать надо...

— А,— махнул рукой Гуров.— Один, два, пять — какая разница? Сейчас их развелось, этих убээров,— не сосчитаешь...

Пришлось нарушителя на «экскурсию» свозить. Проще говоря, познакомить немного с биографией предприятия, с его заслугами.

— Вот, читай. Не раз, наверное, эти строки видел, да не вдумывался...

«В 1972 году за достижение наивысших показателей в социалистическом соревновании Инженсвартовское управление буровых работ № 1 награждено Юбилейным Почетным

знаком ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР и ВЦСПС.

В 1973 году коллективу навечно вручено Красное знамя ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ.

В 1974 году управление занесено в Книгу почета Министерства нефтяной промышленности.

В 1976 году коллектив награжден орденом Трудового Красного Знамени.

В 1977 году вновь присуждено переходящее Красное знамя ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ...»

Словом, говорили с Иваном Гуровым добром и худом, действовали убеждением и принуждением, но однажды Василий Фомич Сазонов пришел ко мне с просьбой:

— Убери его, Тимофеич, из моей вахты.

— Что он, опять за старое?

— Да нет, не потому я... Только вижу: ничего хорошего ждать не приходится. Убери.

Как выяснилось, Иван Гуров по «семейным каналам» имел прямой доступ па базу, где хранился спирт. Устоять против соблазна человек не мог, воли, видимо, уже не хватало,— отсюда выдуманные свадьбы, крестины, встречи и проводы, которыми он объяснял свои прогулы.

Перевели мы его в другую вахту. Да разве этим поможешь? Пришлось расстаться. Сам не выдержал. Мол, хочу туда, где свободнее, а казарменная дисциплина не для меня. Для форсу, конечно, говорил он так, хорошую мину делал. Дисциплина у нас как дисциплина — строгая, естественно, но основана на самых добрых, человеческих началах.

В последние годы, когда в коллектив чаще

стали приходить новые, порой совсем незнакомые люди, понесли мы еще одну потерю. Не смогли уберечь от той же самой беды Рафаэля Сырлыбаева. Недолго он проработал у нас. Сразу после прихода дал понять, что законы ему не писаны, к словам старших не прислушивался, стал прогуливать...

Право решать, можно или нельзя человеку оставаться в бригаде, принадлежит мастеру. Но я ни разу не воспользовался этим правом единолично. Так уж сложилось за многие годы, что окончательный приговор выносит коллектив. Я лишь официально осуществляю его.

Был еще один нюанс, который ускорил расставание с Рафаэлем Сырлыбаевым. Бурение — штука серьезная. Есть выработанные временем правила писанные и неписанные, нарушать которые не позволено никому. Имею в виду технику безопасности, только в более широком смысле. Считаю, что к работе на таком сложном механизме, как буровой станок, надо относиться уважительно. Не дремать на площадке, но и не проявлять излишнего лихачества.

Рафаэль презирал эти ограничения. Действия его порой трудно было подвести под какой-то определенный пункт нарушения ТБ, но он явно играл с опасностью. Объясняли, что его мнимый героизм ставит под удар других членов вахты,— только усмехался. Пристаете, мол, поскольку самим-то слабо действовать с той же легкостью.

Уволили Рафаэля. Но Сырлыбаев в бригаде остался. Другой Сырлыбаев. Его младший брат, Рудольф.

Рудик пришел к нам после службы в рядах Советской Армии. Подтянутый, энергич-

ный, исполнительный. Выхлопотали ему место в общежитии, знай работай. Были, конечно, опасения: общежитие — огромный молодежный дом, соблазнов хватает, каждый день у кого-нибудь торжество.

Историю с братом Рудольф знал и сделал из нее выводы. Тем не менее над парнем взяли негласное шефство Михаил Спиридонов и Алексей Голубь. Люди заслуженные, они удачно сочетали в своих характерах доверительную мягкость и жесткую требовательность.

Летом буровики всегда помогают заготавливать корма для совхоза «Нишневартовский». Бывало, нарабotaются всласть, устроятся под копной на перекур, и начинается тут беседа на вполне определенную тему.

— Хороший буровик из тебя получится, Рудольф,— покусывая травинку, берет первым слово Михаил Спиридонов.— Смотри, как умело управляешься с граблями и вилами, и стога у тебя выходят красивыми... Не усмехайся, настоящий буровик с этого и начинается — с обстоятельности в работе, с умения выполнять самые разные операции. Повторяю: добрым станешь проходчиком. Если, конечно, с прямой дороги тебя не столкнет...

— Кто? — не понимая, куда клонит товарищ, спрашивает Рудольф.

— Есть такое выражение: «зеленый змий». Искунитель такой существует в природе...

— Ну,— морщится Рудольф.— Это про водку, что ли? Разве я чем-то заслужил такие подозрения?

— Нет, вовсе нет! — вступает в разговор Алексей Голубь.— Мы все верим тебе. Это так... профилактика. Но если ты подведешь нас! — Голубь яростно ударяет кулаком в

копну и делает страшные глаза.— Я не ручаюсь за себя! Мы за себя не ручаемся! Мы вздуем тебя, как нашкодившего кота, хоть ты и служил в рядах доблестной Советской Армии! Усек?

После этого обычно начиналась шутливая потасовка. Но Рудольф Сырлыбаев чувствовал: упреждающие слова говорятся не просто ради «хохмы», в них скрыты и забота о его будущем, и тревога за его судьбу. Думаю, что про себя он твердо решил оправдать доверие старших товарищей.

И оправдал. Стал действительно классным буровиком. Окончил заочно нефтяной техникум, получил четвертый квалификационный разряд. Сейчас это надежный, грамотный специалист. Становление его проходило в вахте под руководством Сазонова.

Василий Фомич Сазонов... Надеюсь, никто не сможет упрекнуть меня в том, что имею в бригаде любимчиков. Отношусь ко всем равно, тем более к бурильщикам, которые и в самом деле стоят один другого. Но о Василии Фомиче нельзя не сказать особо, если речь зашла о воспитании молодежи, о заботливом, внимательном отношении к людям.

Коммунисты бригады не раз избирали Сазонова своим вожаком. Знали: все спорные вопросы решит по справедливости, не забудет ни о чьей беде или просьбе.

Родом Василий из Белоруссии, в молодости попал в Куйбышевскую область — дядя у него там работал в бурении. Вот и он решил освоить то же дело. Стал помбуром. Когда мы впервые встретились в одной бригаде, шла осень 1961 года. И с того времени трудимся бок о бок... Мне не нравятся «летуны». Люди, как и Василий, много лет отдавшие одному

коллективу, ставшие его ядром, опорой,— это, по-моему, люди надежные. Может быть, рассуждаю так потому, что и сам не очень-то склонен к перемене мест. За плечами — почти тридцать лет работы и всего три адреса: Якутия, Поволжье, Саяны.

В вахте Сазонова за минувшие годы прошли школу профессионального и нравственного совершенствования немало теперь уже заслуженных и высококвалифицированных специалистов. Много трудностей, испытаний выпало на долю этого маленького коллектива. Впрочем, радостей, побед тоже достаточно. К примеру, именно Василию со своими подручными довелось стоять почетную вахту, когда страна получила первый миллиард тонн тюменской нефти.

Событие было знаменательным. Прибыли корреспонденты, кинохроникеры. До сих пор бережем фотографию: стоят члены вахты на лесенке буровой, каждый широкой алой лентой опоясан, а на ленте — число «1 000 000 000» и слова: «Получай, Родина, тюменский миллиард!» Стоят они — гордые, взволнованные: Алексей Афанасьевич Голубь, Василий Фомич Сазонов, Виталий Васильевич Белоглазов, которого тоже избирали партгруппоргом, затем Александр Сергеевич Милосердов и Владимир Иванович Иштанов — о том, как он попал в нашу бригаду, речь еще впереди.

Иногда мне как бы заново открывается смысл выражений, давно примелькавшихся от частого использования, потерявших в обиходе изначальную свежесть, свое глубокое, истинное значение. Сколько раз доводилось слышать слова «коллектив — рабочая семья», сказанные между делом, порой не к месту, без понимания сути такой формулировки.

Коллектив — рабочая семья... Как много требуется времени, сил, старания каждого члена этой семьи, чтобы она сложилась! Долгий, нелегкий путь. Но мы с него не свернем.

* * *

— Товарищи! Полундра! К нам едет ревизор! — закричал Виктор Курочкин.

Виктор Федорович, бессменный верховой, находился на высоте своего положения и, как вперёдсмотрящий с мачты, раньше других обнаруживал изменения, происходящие во всей округе. Сейчас он видел, что по дороге к буровой приближается машина.

— Что там? — спрашивали его снизу. — Не морочь голову, говори толком!

— К нам едет ревизор! — стоял на своём Курочкин. — Будьте готовы: через несколько минут он самым тщательным образом проверит качество... глинистого раствора!

Все стало ясно. К намехала Нина Ивановна Иштанова, инженер по глинистым растворам Нижневартовского УБР-1. К ее визитам привыкли и в нашей бригаде, и в других тоже. Толковый специалист, она не раз давала ценные советы и не уставала повторять, что от качества раствора в немалой степени зависит успех всей проходки. С ней, конечно, соглашались, но не все и не всегда выполняли ее требования. И когда Нина Ивановна обнаруживала отклонения от технологии приготовления раствора, мастеру да и всем, кто был в это время на вахте, приходилось не сладко.

На сей раз все обошлось благополучно. Иштанова осталась довольна результатами проверки и, вытирая вымытые руки белым носовым платочком, глядя на окруживших ее буровиков, с улыбкой говорила:

— До чего же вы представительно выглядите в этих своих доспехах, в касках... Прямо богатыри былинные.

Ей ответили в том же тоне:

— А почему бы не пополнить эту силу богатырскую? Станет у нас одним витязем больше...

— Что вы хотите сказать?

— Нина Ивановна,— укоризненно протянул наш электрик Шиханов,— не надо делать вид, что не понимаете. Кто есть ваш муж Владимир? Колышки забивает на площадках. Нет, я ничего не имею против: строитель — профессия почетная. Но когда вы так преданы нефтяному делу и видите, что это занятие настоящих мужчин,— разве не напрашивается сама собой программа ваших дальнейших действий? Повлиять, убедить, поддержать. Мы ж знаем Владимира — буровиком человек рожден!

— Опять вы за свое,— отмахнулась Иштанова.— С чего это человеку планы ломать. Да и не мальчик он теперь, чтобы все начинать сызнова.

Но уверенности в ее голосе не было.

Я уже говорил о том, что Владимир Иштанов пес на буровой почетную вахту в день, когда был добыт первый миллиард тонн тюменской нефти. Нам удалось-таки убедить его супругу в необходимости сделать решительный шаг, и Нина Ивановна скоро смогла доказать Владимиру преимущества профессии буровика. Беседовать непосредственно с Иштановым мы не имели возможности — работали в разных местах,— поэтому и призвали на помощь жену. А хотелось видеть его в своем коллективе по ряду причин: человек способный, со смекалкой, к тому же известно было,

что от прежних обязанностей он далеко не в восторге.

Нина Ивановна, как говорится, не успокоилась на достигнутом. Дала понять мужу, что перейти в буровую бригаду — только полдела. Не все же время быть «на подхвате». Практические навыки — дело хорошее, но специальность надо осваивать всерьез. Короче, поступил Владимир в Саратовский нефтяной техникум, который в свое время окончила Нина Ивановна. Сейчас работает и учится.

В одной из песен о первопроходцах Севера есть, если мне не изменяет память, такие слова: «А жены? Нам писать они писем не будут. Наши жены — просто с нами поедут они...» Немало испытаний выпало на долю наших женщин, и они их с честью выдержали. Пример с Ниной Ивановной, которая помогла мужу стать буровиком, — особая статья. Хочется сказать доброе слово и о супругах тех членов бригады, которые приехали в Нижневартовск в числе первых.

Ведь не секрет, что мы, мужчины, порой настолько были захвачены производственными делами, что о домашних проблемах и думать забывали. Заботы о детях, о хозяйстве, о семейном уюте — все ложилось на плечи наших жен. А ведь у них еще своя работа. Не надо далеко ходить за примером: я сутками пропадал на буровой, а Валентину Никоновну беспокоили, кроме школьных опытов на уроках химии, музыкальные занятия дочери, экзамены сына, предстоящая тотальная стирка, промазка окон па зиму, покупка плаща для мужа и еще множество дел, о которых я подчас и не догадывался. Она даже своеобразную систему усвоила: скажем, если начался на буровой спуск колонны — меня дома

не будет целые сутки, если передвижка — двое можно не ждать, а если на новый «куст» перебираемся — то и трое.

То же самое можно сказать о Марии Аркадьевне Сазоновой, Антонине Ивановне Шихановой и многих других.

У Шпхаповых, к примеру, сначала поступил в техникум Иван. Проучился некоторое время и стал «влиять» на Тоню: поступай, мол. Уговорил. Но поскольку сам в техникум пришел после восьмилетки, а супруга — после окончания средней школы, то она его обогнала и диплом получила первой.

Эта женщина, на мой взгляд, всегда была для Ивана не только официально зарегистрированной спутницей жизни, но и настоящим другом. Их пугали, что с переездом в Сибирь нарушится некое биологическое равновесие и вряд ли стоит рисковать, если быт основательно устроен и налажен. Но когда Иван спросил: «Поедем?» — Тоня ответила: «Конечно, поедем!» У них замечательные дети — Александр и Марина. Сын уже в армии, дочь учится в школе.

По штатному расписанию Иван Александрович проходит как электрик. Строго говоря, так оно и есть. Но ни в каком табеле не раскроешь качества человека до конца. Я-то знаю: это не просто отличный специалист. Это организатор. Воспитатель. Инициатор добрых дел. В бригаде его не только уважают — любят.

Иван и Антонина Шихановы живут в новом девятиэтажном доме, окна их квартиры выходят на Дворец бракосочетания. Там каждый день выстраиваются вереницы легковых машин и автобусов, украшенных разноцветными лентами и воздушными шарами. На ра-

бочих автобусах с надписями «Вахта» и «Осторожно, люди!» — гирлянды цветов и симпатичные куклы...

Супруги Шихановы, стоя возле окна, с грустью смотрят то на фотографию Александра, закрепленную в серванте между стекол, то на улыбающихся молодоженов и, я думаю, чуточку печалятся о своей молодости.

А чего печалиться? Разве их молодость не послужила хорошим трамплином в трудную, насыщенную, счастливую сегодняшнюю жизнь? Сейчас Иван — обладатель целой коллекции почетных знаков «Победитель социального соревнования», он их получал несколько лет подряд. Имеет и такой: «За активную работу в профгруппе». Ничего не скажешь: по заслугам каждый награжден...

Один эпизод из жизни Шихановых. В Отрядном, когда Саньке было три года, а о Марине никто еще не догадывался, Ивана вызвали в трест. «Предлагаем командировку в Афганистан. Ехать в эту страну придется не только буровиком, но и наставником. Надо научить афганцев использовать свои богатства...»

Разговор с Тоней был недолгим. О чем речь! Надо — значит, надо.

Пески. Жара. Палящее солнце. Казалось, бурильные трубы, поднятые из глубины, потеряли способность отдавать тепло и навсегда остались горячими. Может быть, в другой ситуации Иван плюнул бы на все и сбежал из этого знойного ада, но рядом стоял стажер-афганец... Он ловил каждое движение русского друга, брал с него пример. Разве можно в таких условиях сдать?

Командировка была вначале оформлена на два года. Иван и Антонина Шихановы

провели в Афганистане три. Продлить пребывание в стране безжалостного солнца побудило исключительно дружеское отношение со стороны гостеприимных хозяев. Афганцы оказались способными учениками. За время работы каждый член советской бригады подготовил по нескольку специалистов высокой квалификации. На третий год произошло радостное для Ивана и его товарищей событие: их подопечные, скомплектовав бригаду разведочного бурения, обнаружили богатую залежь нефти. Это открытие стало большой общей победой.

Иван Шиханов и сейчас заинтересованно следит за всерасширяющимся сотрудничеством между нашей страной и Афганистаном. С понятным волнением рассказывал нам о недавнем сенсационном открытии, которое сделали совместно советские и афганские археологи. В печати на эту тему выступил доктор исторических наук В. И. Сарианиди. Неподалеку от города Шибаргана, который Ивану Александровичу знаком не понаслышке, было найдено более 20 тысяч произведений искусства из золота, серебра, керамики и стекла. Все они, как предполагают, относятся ко времени возникновения империи Великих Кушан, а это было давным-давно, где-то на заре новой эры.

Историки-востоковеды называют находку под Шибарганом «открытием века». Мы, конечно, не специалисты по археологии. Но, по-видимому, это действительно событие огромной важности, раз характеризуется словами, которые мы привыкли слышать применительно к обнаруженным сокровищам в других местах планеты.

Но Афганистан — не единственная страна,

с представителями которой членов нашей бригады связывают особые дружеские отношения. В последние годы в нефтяном Приобье побывало множество различных зарубежных делегаций. Это нефтяники, строители, представители деловых кругов, журналисты.

Обычно встречи под северным небом долго запоминаются и нам, и нашим гостям.

* * *

Группа журналистов из Румынии прилетела в Нижневартовск поздней осенью. Шли дожди, невозможно было свернуть с бетонки: любая машина застревала, не одолев и пятидесяти метров.

Меня предупредили, что Дорин Константеску, Иозеф Чапо и Константин Сочи попросили включить в программу их пребывания в «столице» Смотлора поездку на нашу буровую. Я ответил: добро пожаловать! Пусть приезжают, спрашивают, что им интересно. Расскажем.

В первый день они нанесли визит главному инженеру объединения И. И. Рынковому. Иван Иванович в общих чертах познакомил гостей с историей освоения региона, назвал цифры, характеризующие проходку и добычу нефти на наших месторождениях. Гости то и дело не могли сдержать удивленных восклицаний. Один из них, Константин Сочи, представлял газету уезда Дымбовица, где тоже ведется добыча нефти. Он постоянно просил переводчицу повторить ту или иную цифру: ему казались невероятными и сроки бурения, и скорости проходки, и дебиты скважин.

На другой день румыны знакомились с городом. Побывали в детских садах, рабочих столовых, во Дворце культуры «Октябрь»,

в школе искусств. И хотя сопровождавший их заместитель председателя профкома Нижневартовскнефтегаза Леонид Иванович Мирошниченко и люди, с которыми приходилось беседовать, вовсе не скрывали трудностей, а их еще достаточно у молодого города,—многое приезжим журналистам понравилось. А от скрытой в кедраче уютной деревянной гостиницы «Самотлор», куда их поселили, вообще пришли в восторг — о таком уголке они и не мечтали.

Ну а третий день по плану они должны были провести на нашей буровой. Мы ждали, но гости так и не появились. Лил дождь. Позже я узнал, что они ездили на микроавтобусе, который в такую непогоду к нашей площадке, конечно, не прошел бы. А вот «куст», на котором работала бригада Героя Социалистического Труда Г. К. Петрова, находился у самой бетонки. Поэтому программу на ходу перестроили и направили гостей туда.

Их встретил помощник мастера А. Р. Мутыгулин. Самого Григория Кузьмича не было.

— Где же мастер? — поинтересовался Дорин Коплантинеску.

— В Америке,—ответил Асхат Резаевич.

— Вот как!—удивились гости.—Почему?

Мутыгулин пожал плечами:

— Поехал в качестве туриста. Посмотреть на заокеанскую жизнь. С простыми рабочими познакомиться, да и с господами капиталистами тоже...

— А как же бригада, ее показатели? — спросил Константин Сочин.

— Бригада продолжает работать,—невозмутимо отвечал А. Р. Мутыгулин.—Идет в числе передовых.

Я знаю, что Г. К. Петров — один из тех

мастеров, которые сумели создать коллектив, не нуждающийся в постоянной мелочной опеке. Это, надо сказать, большое достижение.

Гости задали буровикам множество вопросов.

— Сколько всего метров скважин построила бригада за семь лет пребывания на сибирской земле?

— Кто готовит для буровиков площадки на этих болотах?

— Сколько времени понадобилось для того, чтобы пройти последнюю скважину на этом «кусте»? Как? Одна неделя?! Поразительно!

Потом журналисты переписывали в свои блокноты таблицу соревнования между вахтами, которые возглавляют Г. Я. Гиндуллин, В. М. Лаптев, Р. Я. Фаизов и М. Ф. Рахимов...

Когда я в подробностях узнал о пребывании румынских журналистов у «соседей», то невольно подумал: доберись они до нашей буровой — разговор во многом был бы таким же.

Годом раньше в Среднем Приобье побывал главный редактор журнала «Франция — СССР», член Французской коммунистической партии Жорж Мартен. На Федоровском месторождении он встречался с Героем Социалистического Труда В. М. Агафоновым. На собраниях и совещаниях различного масштаба мы, буровые мастера, встречаясь, обычно успевали в свободные часы поговорить о многом. Поэтому мне и известны некоторые детали.

Когда Жорж Мартен прибыл на «куст» № 40, там заканчивали подъем инструмента из седьмой скважины. Гость из Парижа до-

тошно расспрашивал о технологии проходки, об условиях труда людей, зарплате, отдыхе, увлечениях, о национальном составе бригады. Вениамин Максимович охотно отвечал на вопросы, показывал вахтовый журнал, графики отпусков, жилые вагончики, балок-столовую (меню французский журналист даже взял себе на память).

Высокий и сильный, Агафонов добродушно гудел:

— Так и напишите в своем журнале: самое большое наше желание — жить в мире и дружбе со всеми народами...

А потом Ж. Мартен был гостем в семье оператора нефтепромысла З. Г. Абдулина. За чашкой чая разговор шел неторопливо, домашнему:

— ... И передайте рабочим Франции, — показывал Зуфар Губайдулович, — от нас, сибирских нефтяников, самые добрые пожелания. У людей труда, какая бы страна ни была их родиной, всегда много общего. Разве не так?

— О, да, да! — отвечал гость. Достав из портфеля значок общества «Франция — СССР», он прикрепил его к лацкану пиджака Зуфара Абдулина. На значке был рисунок Жана Эффеля: француженка Марианна и русский Иван.

Сибиряки-тюменцы произвели на Жоржа Мартена большое впечатление своим радушием и искренностью. Все, с кем доводилось ему общаться, говорили о традиционно добрых отношениях между Францией и СССР, о миролюбивой внешней политике Советского Союза, о важности дальнейшего расширения контактов. Обо всем этом он рассказал позже на страницах своего журнала, где опубликовал большой репортаж «Нефть тайги».

Молодые города на Оби посетил также известный кубинский публицист, заведующий международным отделом газеты «Гранма» Хуан Марреро Гонзалес. Вернувшись на остров Свободы, он рассказал о своих впечатлениях в трех крупных репортажах, в которых показал величественную картину освоения этого края. Экземпляры газет прислал сюда, в Сибирь.

«С вертолета,— писал Хуан Марреро,— открылся поистине прекрасный ландшафт, несмотря на всю суровость этого края. Широкая, необъятная равнина со множеством больших и малых озер, разделенных узкими полосками земли со скудной прибрежной растительностью: это кустарник, мхи, лишайники. Невольно испытываешь чувство удивления и восхищения людьми, которые смогли так много сделать в этих местах... Сейчас в Среднем Приобье добывают примерно столько нефти, сколько в Кувейте и Венесуэле, вместе взятых. А в 1980 году Тюменская область даст по предварительным подсчетам свыше 300 миллионов тонн нефти.

В Тюменской области я увидел людей железной воли, способных и самоотверженных, которые добиваются претворения в жизнь заданий десятой пятилетки по добыче нефти в Западной Сибири. Мороз может сделать хрупким металл, но не волю советских людей, коммунистов, создающих сегодняшним трудом свое прекрасное будущее...»

Можно было бы продолжать рассказывать о визитах на нашу землю иностранных гостей. Разные люди приезжали — искренние друзья и недруги тоже. По-разному складывались и встречи. Бывало, непринужденно говорили на залитых раствором мостках буровой, а слу-

чалось — скрепя сердце, надевая галстук: «при параде» всегда чувствуешь себя очень стесненно.

Так или иначе, мы — сибирские буровики — ничего не скрывали от гостей, отвечали на любые вопросы, поскольку наша работа — это часть нашей жизни, а своей жизнью мы имеем все основания гордиться.

Если же становилось известно, что где-то в тридевятом государстве один из недобросовестных визитеров необъективно рассказал о том, что видел здесь, нас всегда охватывало желание дать на его измышления прямой и честный ответ. И кто-нибудь из бригады со смехом говорил Алексею Голубю:

— Бери-ка перо да садись за стол!

Хохот сотрясал тогда буровую.

Дело в том, что в новогодней стенгазете появился искусно выполненный фотомонтаж, посвященный нашей бригаде. Сначала мы даже не поняли, в чем юмор, увидев репродукцию известной картины Репина, где запорожцы пишут письмо турецкому султану. И только взглядевшись, обнаружили: перо-то в руках Алексея Афанасьевича Голубя! А за ним стою я, очень довольный предложенным в письме оборотом. Иван Шиханов тут же, в добротном персидском кафтане. А там и Шевченко, Касатов, Иштанов, Куликов, Метрусенко, Белоглазов, Кардаш, Пономаренко, Милосердов... Вся бригада! И так здорово «вписались» мы в запорожскую вольницу, что упросили автора новогодней шутки сделать каждому на память по такой фотографии.

Вот ее всегда и вспоминаем, когда хотелось бы ответить на чьи-то домыслы...

Но такое случается редко. Мир все полнее узнает правду о преображении таежного края,

о могучей силе Сибири, о ее сегодняшнем и завтрашнем дне... И я счастлив — не испугаюсь этого высокого слова! — что причастен к тем большим делам, которые здесь вершатся, что являюсь полноправным членом дружной семьи тюменских нефтяников.

* * *

Впервые за многие годы мне выписали бюллетень. Забарахлило сердце, врачи приказали сидеть дома и на время забыть все производственные заботы.

Легко сказать!.. Проходил день за днем. Мы обсудили с женой все семейные проблемы. Посожалели, что нет рядом Сережи: сын учится уже на третьем курсе Куйбышевского политехнического института. После школы хотел ехать в Москву, потом в Ленинград, но в конце концов выбор пал на Куйбышев — ближе к Отрадному, где остались родственники. Говорили с Валентиной Никоповой об Оле: девочка уже в третьем классе, любит играть на пианино, хорошо бы, чтоб поступила в школу искусств, где юные нижевартовцы постигают основы музыки, живописи, танца...

Потом жена уходила на занятия, а я оставался один на один с телефонным аппаратом. Набирал номер диспетчера УБР, тот, зная о моем положении, бодро сообщал, что на буровой все в порядке, преувеличенно весело советовал быстрее «починяться» и выходить на работу.

Я машинально проводил пальцем по корешкам книг в шкафу, включал и выключал телевизор, потом останавливался у окна и смотрел на улицу, по которой нескончаемым потоком шли машины и люди. Все спешили, всех торопили какие-то дела, и только я вы-

нужден был бесцельно перебирать в памяти отрывки воспоминаний.

Прошлогодние обязательства, вокруг которых столько шумели, выполнили обе бригады — и наша, и Левина. В сумме государственный план перекрыли почти на 50 тысяч метров — другими словами, сработали еще за одну буровую бригаду! Нынче задача сложнее: оба коллектива пообещали построить по 85 тысяч метров глубоких скважин.

Что там сейчас происходит, на берегу Самотлора, на «кусте» № 1058, где бригада ведет проходку седьмого ствола из запроектированных восьми? Все ли в порядке?

Снова шагнул было к телефону, но сообразил, что это бесполезно.

А на буровой в это время состоялся крупный разговор. Вечером, когда товарищи пришли навестить меня, они рассказали обо всем в подробностях, и я очень ясно представил себе, как это происходило.

Обычно сдержанный, помощник мастера Виталий Борисов выговаривал насупившемуся парню:

— Если долг и дисциплина для тебя пустые звуки, зачем к нам просился? Мы на место Бориса Варламова, пока он в отпуске, нашли бы более подходящего человека...

Парень всем своим видом показывал, что дело, из-за которого затеян этот спор, не стоит выведенного яйца.

— Подумаешь, событие. Ну, «принял» накануне немножко лишнего и не успел выполнить то, что велели. Так я сейчас, мигом!

— Не событие, говоришь? — еще больше вскипел поммастера. — Выйди-ка из вагончика и прочитай, что над входом написано.

Незадачливый слесарь, которого временно

приняли в бригаду, вышел на улицу. Увидел слова на фоне красного знамени: «Коллектив коммунистического труда». Вернулся. Сказал глухо:

— Коллектив и коллектив. Вон их сколько, таких же, кругом работает...

Тут уж не смогли промолчать технолог Владимир Татаренко и его ученик Александр Пазин. Как он может пренебрежительно говорить о бригаде, не зная ее истории, традиций, трудного пути становления?

— Ну ладно. Чего это мы взъелись. Человек пришел в бригаду на время. Пусть живет, как знает,— сказал наконец Борисов.

Парень вышел из балка, направился к буровой. Работала вахта Федора Метрусенко. Впрочем, на месте кроме него были только первый помбур Эрнест Королев да электрик Иван Дьяконов. Верховой с утра внезапно заболел, а у второго помбура по графику занятия в учкомбинате. Так что три человека выполняли обязанности всех членов вахты.

Шел подъем инструмента. По лоснящимся трубам стекал раствор. Подача каждой новой свечи давалась с трудом. Парень видел, с каким напряжением работали люди, как тяжело было каждому справляться за двоих.

Быстрыми шагами вернулся он в вагончик, снял со стены одну из касок вишневого цвета и спросил:

— Чем я могу им помочь? Подскажите...

Вроде был мелкий случай. Но когда гости, пожелав скорейшего выздоровления, ушли, я невольно почувствовал благодарность своим ребятам — и за то, что помнят обо мне, и особенно за то, что на буровой сохраняется атмосфера взаимопомощи и требовательности.

Снова один в пустой комнате. Темнело, но

свет зажигать не хотелось. Открыл форточку, с улицы ворвался шум города, ставшего теперь родным, близким. Сумерки расцветивались цветными сполохами — от газовых факелов и от световой газеты «Вечерний Нижневартовск», установленной неподалеку над спаренными девятиэтажками. Из окна я не мог видеть бегущих по темному фону ярких оранжевых букв. А с улицы Мира, с центральной площади, из городского парка они смотрелись как на ладони. Возвращавшиеся с работы люди (среди них и моя супруга, от которой я узнал об этом) читали торопливые огненные слова о том, что бригады А. Д. Шакшина, А. Я. Миронова, Б. М. Давыдова, Г. М. Левина, В. Т. Громова признаны победителями во Всесоюзном социалистическом соревновании, им присвоено звание «Лучшая буровая бригада Министерства нефтяной промышленности». В приказе-постановлении министерства от 15 февраля 1979 года говорилось также, что над буровыми вышками, где трудятся эти коллективы, будут зажжены звезды славы...

Звезда славы — это, конечно, хорошо, но я никак не мог отмахнуться от мысли, что ребята добуривают седьмую скважину, скоро передвижка станка. Вдруг опять задержат монтажники?

Такое случалось, и не раз. Летом 1978 года на «кусте» № 233 вышкари затормозили нам работу. Надо было производить передвижку, а у них, видите ли, не хватало сил. Вот и попробуй в таких условиях не быть «конфликтующей натурой»! Я настаивал, торопил. Прораб монтажников наконец не выдержал:

— У меня сейчас в распоряжении только

бригадир, слесарь и сварщик! Не могут же трое выполнить работу восьмью человек!

— Давай троих,— предложил я.— Это как раз ключевые фигуры. За остальных поработаем сами.

Обговорил детали со своим помощником Александром Тихоновичем Мигуновым (сейчас он тоже руководит бригадой). Пришлось буровикам временно переквалифицироваться в вышкарей. Зато мы выиграли сутки!

А однажды вообще не мог решить тот же вопрос с передвижкой, хотя переговорил едва ли не со всеми ответственными работниками как в нашем УБР, так и в вышкомонтажном управлении. Сутки ждем — нет вышкарей, двое — нет... Приказал заводить оказавшийся на буровой трактор, организовал своих парней, и станок передвинули. Попало, конечно, за «волонтаризм». Зато дополнительно пробурили 500 метров породы.

А как же будет теперь? И потом: после восьмой скважины надо перебираться на новый «куст». Где он? Какая туда дорога?

— Оставь в покое телефонную трубку! — услышал я голос жены.— И не надо столько курить. Уж лучше поезжай на буровую, чем так изводить себя!..

Это идея. На следующий день, поймав попутную машину, отправился на «куст». Стояла середина марта, однако весны не чувствовалось. Бетонка, казалось, звенела от холода. Навстречу неслись машины, с ревом пролетали мимо, обдавая облаком выхлопных газов. Временами в стороне от дороги появлялись многометровые айсберги — такие глыбы льда нарастали на месте водяных нагнстательных скважин.

На буровой встретили удивленные ребята.

В балке мастера все по-прежнему. Попискивала рация. На стенах красовались своеобразные коврики из бересты, а на них — наросты чаги с выдолбленной серединой. В одних хранились мелкие предметы, другие служили пепельницами.

Доска показателей сообщала сведения на 12 марта. Среди бурильщиков на первом месте шел Василий Шевченко. Бригада в целом набурила с начала года 12 110 метров. Рядом, как всегда, — сведения о тех, от кого отстаем. Таких бригад значилось две: у Геннадия Левина 14 040, у Степана Осадца — 12 317 метров.

— На днях Степана должны догнать, — сказал подошедший Владимир Татаренко.

Стенд с нашими социалистическими обязательствами. Кроме меня, его подписали партгруппорг В. А. Белоглазов и наш профсоюзный вожак И. А. Шиханов. «К 62-й годовщине Октября завершить план 1979 года и всей десятой пятилетки». Думаю, справимся. «Две скважины пробурить на сэкономленные средства». И за этот пункт можно не беспокоиться. «В целях оказания практической помощи взять шефство над бригадой А. Я. Скатова». Александр Яковлевич был в свое время технологом, потом помощником мастера — обычный путь многих руководителей буровых бригад. Но опыта еще маловато, будем помогать, в случае нужды делиться самым необходимым. «Принять вызов бригады Г. М. Левина на продолжение соревнования». Как всегда, придется нелегко...

12 110 метров к середине марта — это, конечно, мало. С досадой вспомнил начало года. Простояли без дела две недели. Уже который раз в январе, на самом старте, бригада ока-

зывается без фронта работ, не успевает набурить и четырех тысяч метров...

— Владимир Тимофеевич, к рации!

Говорили из управления.

— Через несколько дней надо быть в Москве. Вас вызывают для вручения медали лауреата Государственной премии СССР.

* * *

Тот день, когда сообщили, что меня выдвигают на соискание Государственной премии СССР, я провел как во сне. Испытывал самые различные чувства, и, пожалуй, главное из них — растерянность. Да, бригада показала себя неплохо, но разве в этом только моя заслуга? Я видел, как работает лауреат премии Валентин Иванович Хлюпин. Крупный руководитель, он умело направлял деятельность большого коллектива, нес огромную ответственность за судьбу государственных планов. Разве могло идти хоть в какое-то сравнение с этим обыкновенное бригадирство?

Однажды пригласили в управление и показали несколько составленных «на меня» документов. Просили посмотреть, нет ли каких неточностей.

«... По оперативному плану, составленному буровым мастером,— читал я,— перед забуриванием скважины на точку завозятся все необходимые инструменты, материалы, выполняется целый комплекс по регулированию и наладке оборудования.

Успех зависит от организации труда, подготовки рабочих мест, правильного распределения обязанностей, последовательности выполняемых операций, сработанности и взаимозаменяемости в каждой вахте. Тов. В. Т. Громов уделяет этому большое внима-

ние, прививает членам бригады любовь к делу, способствует повышению квалификации, воспитывает сознательное отношение к труду.

Неизменное правило — проведение пусковых конференций перед забуриванием очередной скважины. Совместно с технологической службой тов. В. Т. Громов детально знакомит бурильщиков с геолого-техническим нарядом, с режимно-технологической картой на строительство данной скважины и требует выполнения всех инструкций по качеству ее проводки.

Достижения бригады неразрывно связаны с широким внедрением достижений научно-технического прогресса, творческой активностью каждого члена коллектива...»

— Но ведь это же обычные требования,— с удивлением сказал я.— Так обязан работать каждый мастер, так должен быть организован труд в любой бригаде. Что же здесь из ряда вон выходящего?

Скоро меня закрутили дела на буровой, свободного времени почти не оставалось, возвращаться к мыслям о выдвижении, заниматься самоанализом было просто некогда.

И вот — вызывают в Москву.

Возвращаясь с «куста», заехал в УБР. Еще одна новость. В коридоре управления висела свежая «Молния». В ней сообщалось: «Поздравляем коллективы буровых бригад Г. М. Левина и В. Т. Громова с награждением почетными дипломами ВДНХ за успехи, достигнутые в 1978 году! Желаем дальнейших успехов в труде! Администрация, партком, буровой комитет профсоюза, комитет ВЛКСМ».

Разговор с руководителями управления состоялся короткий. Пожелали мне ни пуха ни пера, сказали, чтоб не волновался за своих

ребят — мол, без дела сидеть не будут, от «окон» их постараются оградить.

— В общем, поправляйся так же быстро, как умеешь бурить. И — счастливого пути!

Пребывание в столице запомню, наверное, на всю жизнь. Трудно передать торжественность огромного зала, ту приподнятость, которую ощущали мы, слушая добрые слова, обращенные в наш адрес. Вручая медали и удостоверения лауреатов Государственной премии СССР, председатель ВЦСПС поздравлял с почетной наградой и желал успехов в будущем. Двенадцать человек получили звание лауреата «За выдающиеся достижения в труде, наивысшую его производительность при добыче угля и нефти на основе эффективного использования техники и прогрессивной технологии».

Нефтяников в группе, кроме меня, значилось еще трое. Фамилии этих знатных людей были знакомы: альметьевский буровой мастер из объединения Татнефть Дамир Махмутович Нурутдинов, мастер цеха капитального ремонта скважин НГДУ Арланнефть из Башкирии Рашид Гибадуллинович Файзуллин и бригадир вышкомонтажной конторы объединения Удмнефть Михаил Семенович Шатунов. Мне доставило большое удовольствие познакомиться теперь с ними лично, от всего сердца пожать крепкие рабочие руки известных новаторов и рекордсменов.

В Москве я в числе других производственников был приглашен для беседы к министру нефтяной промышленности СССР Н. А. Мальцеву. Явился в назначенное время и, рассчитывая больше слушать, чем говорить, попробовал устроиться в дальнем уголке. Ничего не вышло: помешал Николай Алексеевич.

— Попрошу поближе, товарищ Громов,— улыбаясь, сказал министр.— Вот сюда, рядом, чтоб все видели и слышали. Нам очень интересно знать, как поживает знаменитый Самотлор...

Беседа завязалась легко и протекала непринужденно. Будто сговорившись, никто из собравшихся не напирал на достижения, не щеголял рекордами. Откровенно делились мыслями и соображениями о том, как улучшить дело, сообщали о своих тревогах, выкладывали претензии.

Сама атмосфера доверительности и то, что Николай Алексеевич часто обращался непосредственно ко мне, заставили выговориться. О некоторых проблемах я не молчал и в управлении, а кое-что вынашивал в себе, будучи не совсем уверенным: прав ли?

Меня внимательно слушали, то кивая в знак согласия, то уточняя отдельные детали. Многие вопросы, волновавшие нефтяников Нижневартовска, были, оказывается, актуальны и для других добывающих районов страны.

Я рассказал о достоинствах новой формы организации труда — так называемой «рабочей эстафеты», в которую с начала года включилась и наша бригада. Однако доброе начинание часто не дает ожидаемого эффекта, метод как бы «пробуксовывает» на месте. Причина в том, на мой взгляд, что не все смежники одинаково заинтересованы в конечном результате, для внедрения «рабочей эстафеты» не подготовлена соответствующая материальная база.

Поделился своим беспокойством и по другому вопросу. Как мне кажется, на данный момент в наклонно направленном бурении, по существу, исчерпаны все резервы в смысле

техники и технологии. Во всяком случае, в последние годы особо ощутимых усовершенствований не было. Конечно, можно и нужно улучшать организацию труда, но это уже иной вопрос.

Перечислил помехи, мешающие бригаде работать в полную силу. Некоторые можно устранить силами объединения, главка, а кое в чем необходима помощь министерства. Прежде всего, надо ликвидировать «окна» — вынужденные простои, на которые буровиков обрекают вышкомонтажники, дорожники, транспортники. Порой сдерживают геофизики, тампонажники. Давно и пока безрезультатно идут разговоры об использовании противовыбросового оборудования на всех скважинах «куста» — по существующим правилам, составленным когда-то чрезмерно осторожными людьми, это оборудование используют только на трех скважинах, а потом его снова надо опрессовывать.

Проходчикам не хватает станков, буровое хозяйство обновляется медленно. Мешают работе недостаточно оперативное материально-техническое снабжение, некачественный ремонт оборудования. До сих пор нет четкости в доставке вахт...

Умолкнув, я забеспокоился: не слишком ли мрачную картину нарисовал перед министром и всеми собравшимися? Но Николай Алексеевич, будто поняв мои мысли, отложил в сторону блокнот, в котором все время что-то записывал, и негромко произнес:

— Да, товарищи, работы у нас с вами еще немало...— Потом, уже громче, добавил: — Хорошо то, что вы видите, над чем надо работать. Что не успокаиваетесь. Ваши, товарищ

Громов, замечания обязательно учтём. И поможем, я обещаю...

А дома меня ждали обычные и в то же время всегда новые дела. Еще одного помощника — строгого и сдержанного Виталия Борисова — «благословил» на самостоятельную работу: тоже стал буровым мастером. Вместо него взял совсем молодого парня, Олега Пензина. Иной раз так и подмывает посчитать: сколько мастеров, других командиров производства вышло из нашей бригады? Но чего там считать — это закон жизни...

Стало известно, что за истекший 1978 год выработка на человека в УБР-1 составила 822,3 метра проходки — самый высокий показатель в стране. В управлении достигнута также самая высокая коммерческая скорость бурения (5279 метров на станок в месяц для скважин глубиной 2250 метров) и самый короткий срок строительства каждой скважины (9,59 суток). Как не порадоваться достижениям, если в них вложена и наша доля труда!

Сообщили, что несколько человек из бригады справили новоселья. Буровики прочно обживаются на Севере, семьи увеличиваются. Растет и город: все больше красивых общественных и жилых зданий вступает в строй. Дому культуры «Октябрь» может даже Тюмень позавидовать.

Проходя мимо школы искусств, увидел афишу, приглашающую на концерт симфонического оркестра. Оказывается, к нам в гости приехали артисты Томской областной филармонии. В здание входили нарядно одетые люди, многие женщины были в длинных вечерних платьях.

В бригаде дела обстояли неплохо. Правда, весенняя непогода усложнила работу бурови-

ков. Хуже стало с подвозкой материалов, вскрывшиеся реки и речки грозили большим паводком. Однако мне приятно было отметить, что за время отсутствия коллектив не сбавил темпов и в сводках постоянно значился в числе первых.

Наверное, каждый буровой мастер, которому периодически приходится уезжать в различные деловые командировки, испытывает такое же сложное чувство, что и я: с одной стороны, гордость за коллектив, умеющий без опеки трудиться с полным напряжением, а с другой стороны, нечто вроде угрызений совести: люди работают, а ты разъезжаешь... То, что не по своей воле, утешает мало.

По этой причине я вовсе не испытал восторга, когда меня вызвали в управление и напомнили:

— Подходит срок ехать на учебу...

В УБР-1 через определенный период все буровые мастера проходят переподготовку. Учеба проводится в различных городах Советского Союза, куда собирают специалистов одного профиля. В этот раз надо было лететь в Дрогобыч.

Попробовал отговориться, но мне резонно возразили:

— Владимир Тимофеевич, вы же сами требуете от своих работников, чтобы постоянно совершенствовали квалификацию, повышали уровень знаний...

Пришлось собираться.

* * *

...И вот я снова в родном Нижневартовске. Приветствие Леонида Ильича Брежнева буквально всколыхнуло все коллективы нефтяников Самотлора. В каждом подразделении

прошли митинги и собрания. О том, как они проходили, узнавал от товарищей, из газет. Вот отрывок из отчета о митинге, состоявшемся в УБР-1:

«...Выступает главный инженер управления В. С. Алиев:

— Наш коллектив активно участвует во Всесоюзном социалистическом соревновании,— говорит он.— Буровые бригады управления много раз выступали инициаторами, накопили богатый опыт скоростной проходки. В десятой пятилетке управление пробурило уже около двух миллионов метров, сдав свыше восьмисот скважин. Это намного превышает план... Сегодня нас не могут удовлетворять 60—65 тысяч метров проходки на бригаду в год. Все до единого коллективы управления способны давать по 85 и больше тысяч метров скважин. Пример тому — буровые бригады Г. М. Левина и В. Т. Громова, о которых говорит в приветствии Леонид Ильич Брежнев...»

С чувством радостного волнения ехал по знаменитому бетонному «кольцу Самотлора» на свою буровую. Возле монумента покорителям северной нефтяной целины шофер притормозил и стал что-то поправлять в моторе.

Я вышел. Огромное синее небо расстилось над городом, над Обью, над уходящей к горизонту тайгой. А над памятником, в поднятой руке нефтяника-первопроходца, бился на ветру негаснущий газовый факел.

— В порядке,— сказал шофер.— Можем ехать. Ваша буровая километрах в сорока. А следующая — бригады Левина.

Значит, снова поведем наступление, соревнуясь друг с другом.

Громов В. Т.
Г87 Открытое небо. Свердловск, Средне-
Уральское кн. изд-во, 1980.— 104 с., вкл.
16 с.

Буровой мастер лауреат Государственной премии СССР В. Т. Громов рассказывает о руководимой им бригаде, о том, как реализуются в труде стремления буровиков внести наибольший вклад в увеличение добычи нефти и газа в стране.

Г 10903—010
М158(03)—80

331

Владимир Тимофеевич Громов

Открытое небо

Редактор Б. А. Калмантаев
Художник Е. В. Арбенов
Художественный редактор Г. И. Кетов
Технический редактор Т. В. Меньщикова
Корректоры И. Ш. Трущникова, Е. В. Иванова

Фотографии А. Нагибина, В. Дыбы

ИБ № 631

Сдано в набор 19.05.80. Подписано в печать 22.08.80. ИС 12591.
Формат бумаги 75×90¹/₃₂. Типографская № 1. Литературная гар-
нитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 4,1. Уч.-изд. л. 4,9.
Тираж 3000. Заказ 260. Цена 30 коп.

Средне-Уральское книжное издательство, 620219, Свердловск,
ГСП-351, Малышева, 24.

Типография изд-ва «Уральский рабочий», 620151, Свердловск,
пр. Ленина, 49.

Вкладка и обложка отпечатаны в объединении «Полиграфист»,
620151, Свердловск, Тургенева, 20.